

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTIONS

ИВАН
БЕДЕНКО

КОД
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

← : ⇌ → Mystic & Fiction ⇌ : →

ИВАН БЕДЕНКО

КОД
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

Москва, 2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б 38

Составитель серии Иар Эльтеррус
Художественное оформление серии К. Прокофьева
Обложка В. Гуркова

Беденко И.

Б 38 Код человеческий. – М.: ИД «Флойд ФриФлай», 2019. – 864 с.

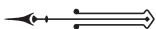
Игорь Кремов проживает сразу две жизни – одну в реальности, похожей на нашу, вторую в реальности, подготовленной предками, но отнятой у его поколения. Действие разворачивается в Мегалополисе, в разрушенном городе Солнечном и в живом коммунистическом Солнечном. Игорь принадлежит к касте Нервов, следователей-экстрасенсов, но постепенно становится ясно, что такими «сверхлюдьми» задуманы все мы, только жажда наживы, старательно культивируемая в современном мире, лишает людей способности чувствовать друг друга, а орган, отвечающий за невербальную коммуникацию, жестоко глушится эгоизмом, похотью и трусостью.

СССР. Москва, Кремль.
Задолго до описываемых событий.

Пять тридцать утра, Москва еще спит. Вскоре люди начнут пробуждаться, собираться на работу, провожать детей в школы, проспекты и улицы наполняются энергией, но до этого есть еще немного заповедного времени. При слабом утреннем свете думается наилучшим образом, сейчас легче планировать расписание встреч и приемов, прорабатывать сценарии бесед, прикидывать возможные решения проблем.

Юрий Владимирович смотрел в окно из своего кабинета. Зима укутала снегом могучие голубые ели, накинута белое покрывало на газоны и крыши Кремля. Перспектива в дымке. В самом центре столицы всегда тихо. Через высокие крепостные стены городскому шуму не проникнуть, и, если захочется, можно представить, будто картинка за стеклом — всего лишь часть дремучего бора, подпирающего угрюмое зимнее небо где-нибудь в карельской глуши.

По расчищенной брусчатке забавно семенил Иосиф Самуилович: видимо, комендант еще не организовал посыпку дорожек песком. Юрий Владимирович отвлекся от созерцания природы и слегка зашторил окно. Вскоре зазвонил

зуммер внутренней связи. На том конце провода послышался голос секретаря Нади: сдерживая взволнованное дыхание, она сообщила о прибытии гостя. Вообще-то Надя не должна приходиться так рано, но, зная привычки руководителя, она всегда старалась успеть на службу к началу его трудового дня.

— Наденька, пожалуйста, угости нас с Иосифом Самуиловичем чаем, — попросил он. — Если можно, мне с малиной, а что гость захочет, сама поинтересуйся.

Иосиф Самуилович вошел одновременно с Надей, в волосах которой блестели капли от растаявших снежинок, и сразу направился для рукопожатия к хозяину кабинета. Ладонь гостя оказалась очень холодной.

— Озябли? — поинтересовался Юрий Владимирович.

— Пустое. Надя вот чаем с медом угостить обещала, еще и улыбкой своей согревает. Это покрепче будет, — улыбнулся Иосиф Самуилович.

Смутившись, Надежда ловко расставила чашки, наполнила их чаем и поспешила к выходу.

— Прямо чувствую, как жизнь возвращается, — обжигаясь кипятком, произнес Иосиф Самуилович, — а пахнет хвоей почему-то.

Они немного помолчали, обдумывая под чаепитие предстоящую беседу.

— Иосиф Самуилович, вы сегодня особенно задумчивы, — заметил Юрий Владимирович.

— Буксир на подходе, времени осталось примерно два года, — ответил тот. — По матчасти все готово. Риск сохраняется в отдельных аспектах. Первое: до сих пор не удалось убедиться в составе атмосферы, хотя «Метеор» уже отправил посылку. Из нее на Байконуре надеются

получить недостающие данные. А второе... Имеются проблемы с человеческим материалом — никак не наберем сто процентов.

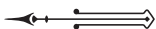
— Ну почему вас снова беспокоит это? Есть же у нас социологи, физиотерапевты, парторги, в конце концов! Наберут как-нибудь!

— Рисуем обескровить генофонд, — хмуро возразил собеседник. — «Авроре» требуются лучшие и самые здоровые, а с этим, сами понимаете, как дела обстоят. Ладно бы человек пятьсот, а то шестьдесят тысяч, включая детей и женщин, — самый цвет и надежда.

— Может, хватит? — недовольно поморщился Юрий Владимирович. — Знаю не меньше вас. Мне жаловаться не надо. Предложите лучший выход, чего тратить время попусту?

— Мы, конечно, найдем. В списке кандидатов — отличники ДОСААФ, выпускники вузов, специалисты, военные, ученые... но сами с чем останемся? Коммунистов мало, план по нацпропорциям фактически рухнул, вы же знаете. Американцы не с такой щепетильностью подошли к вопросу: у них сборная солянка, программы по прилету особой нет. Нам сложнее в разы, ДОТ просчитывает план на десятилетия. После ухода «Авроры» просядем колоссально... Меня это и волнует сильнее всего! Космос по-прежнему молчит. Ничегошеньки не слышно в эфире. Не верю, что из миллиарда потенциально обитаемых миров ни один не родил цивилизации, подобной нашей. Тогда что? Выходит, есть предел существования, после достижения которого любое общество погибает. Сейчас мы умеем испускать и принимать радиосигналы, наш разум близок к проникновению в суть мироздания — и случайно ли, что именно

сейчас человечество обладает небывало мощным оружием и готово испепелить себя в атомном пламени? Может, самоуничтожение — универсальный финал для любой цивилизации? Не стоим ли и мы на краю пропасти сейчас? Если так, то следует встречать неизбежное во всеоружии! Но, отправляя «Аврору» в путь, мы лишаемся лучших из лучших, тех, кого в решающий момент не достанет для предотвращения катастрофы!

Юрий Владимирович пристально посмотрел на собеседника.

— Вы представляете себе этот решающий момент, Иосиф Самуилович? Представляете?! Я могу предположить многое, как и вы, но доподлинно ничего не известно никому. В то же время галактику покидает звезда, прошивающая пространство со скоростью три с половиной тысячи километров в секунду и, надо же такому случиться, обладающая планетой — близнецом Земли! Мы используем шанс! Да, это риск. Огромный! Но что вы предлагаете — не использовать уникальную возможность? А если это решение проблемы? Что, если лучшие, освободившись от земного шлама, как раз и создадут цивилизацию без недостатков? Может, она просуществует столько, что дождется братьев по разуму? Ради этого стоит рискнуть, Иосиф?

Иосиф Самуилович снял очки в роговой оправе и старательно протер линзы носовым платком.

Жестокая война, умывшая человечество кровью, отдалится. Поблекнут надписи советских воинов на стенах Рейхстага. Новые люди позабудут прописные истины, усвоенные военными и первыми послевоенными поколениями предков; падут бастионы, отстроенные победителями для защиты неразумных чад от повторения апокалипсиса;

и смысл Слова будет выхолощен в пустопорожней демагогии. Дальше — последняя война, что подчистую сметет в помойку истории неудавшийся проект Создателя под названием человечество. Какой по счету? Первый? Сотый?

А через миллионы лет где-то неимоверно далеко от Земли люди, ничуть не иные, чем нынешние, стартуют с прежних позиций, их деградация, прерванная полетной криопаузой, возобновится. Все по привычному сценарию. Стоит называть такое вторым шансом?

Но, возможно, что-то, встреченное в новом, свежем мире, внесет определяющие коррективы в самоубийственную траекторию человеческого развития. Лишь в этом Иосифу Самуиловичу виделась надежда, а совершенно не в том, что человечество сделается «очищенным от шлака».

Ради надежды не зазорно рискнуть всем.

Глава 1

Колонна, состоящая из разномастной военной техники, грязно-зеленой змеей ползла по древней бетонке. Над броневиком, катившим сразу за головным танком, высунувшись по пояс через открытый люк, покачивался седовласый крепыш с биноклем, в камуфляже со знаками армии Мегалополиса. На груди — нашивка с фамилией «Кински», полковничьим званием и группой крови, а бритую голову венчала восьмиклинная фуражка с кокардой.

Бессчетное количество дней этот военный вглядывался через мощные линзы в горизонт, силясь увидеть брошенный Сансити, но, вопреки расчетам и здравому смыслу, тот все не появлялся. Месяц назад экспедиция наткнулась на небольшую стелу, затерянную в пустоши, с мраморной табличкой, гордо вещавшей, что туда в таком-то году прибыл первый советский турбоплан с исследователями, основавшими впоследствии город Солнца. Позволив личному составу вдоволь нафотографироваться у памятника, полковник скомандовал продолжение пути. Несмотря на находку, он терзался тяжелыми переживаниями. Не укладывалось в голове многое. Например, почему же за время,

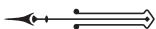

отведенное для следования к цели, так и не удалось добраться хотя бы до городских окраин? Опоздание превысило все допустимые пределы, топливо подходило к концу, а единственным результатом до сего дня оставалась лишь эта убогая табличка. Время остановилось! Однообразная дорога будто наматывалась на колеса и гусеницы машин, заставляя буксовать на месте.

Лейтенант Келли, чертов парапсихолог, подливал масла в огонь. Он то и дело плел чушь про аномальный карман времени и мертвую энергию. Кински спросил его, откуда он это знает, на что умник ответил: «Из научных книг», — и предложил вернуться, пока не поздно. Пришлось наорать на него в дисциплинарных целях и отправить в БТР связи, чтоб впредь не умничал.

Если по совести, то Келли, конечно, не мог отделаться примитивной отговоркой. Ему только дай волю — утопит в омуте заумных словечек, и этот раз не стал исключением. К «научным книгам» прицепился сам Кински, чтоб выглядело, будто подчиненный не уважает командира и за это последний прерывает его. «Какие еще научные книги?! — вспыхнул Кински и, зарубив на корню попытки лейтенанта перечислить авторов и названия трудов, сразу же припечатал: — За идиотов нас держишь? Думаешь, если мы, военные, не чахли полжизни над писаниной всех мастей, то можно нас этим попрекать?» Так ему — и сразу выходило, что Келли вроде не всамделишный военный, а так, полукровка. Он и есть полукровка.

Настораживало молчание советской системы обороны. Никаких признаков локационного засвета со стороны Солнечного, никакой активности в радиоэфире. А в нем что-то обязано шевелиться по определению. Неужели

красные стражи выработали ресурс и загнулись самостоятельно? Вряд ли, слишком совершенны они для такого банального конца.

Полковник прекрасно помнил мясорубку многолетней давности, когда Мегаполис решил поживиться на трупе Сансити после ухода русских. Не выгорело. Будучи в то время желторотиком, Кински схлопотал тяжелое ранение, и до сих пор во снах, словно наяву, ему приходили ужасные эпизоды той войны. Воспоминания выбрасывались из глубин подсознания отчаянным ором погибающих, канонадой, грохотом рвущихся снарядов и запахом собственной крови вперемишку с пылью. Они заставляли заново переживать бесильную ярость перед неуязвимыми роботами со звездами на броне. «Ничего, сегодня — не вчера!» — подумал Кински, коснувшись пальцами застарелого шрама на правой щеке.

На секретной базе Мегаполиса личный состав его экспедиции несколько месяцев обучался работе со сверхновой матчастью, спаивался в коллектив, отсеивал слабых и неспособных. Итогом стало рождение подразделения «Чарли», которым полковник сейчас с гордостью руководил, — и более совершенной военной силы Мегаполис прежде не имел. Уж теперь красноезвездные машины не должны доставить неприятностей. За спиной Кински солидно громыхал катками четырехствольный ракетно-пушечный «Арликон», цементируя настрой начальника.

Да, полковник не пал духом. Он тертый калач и знает цену приказу, а приказ один: войти в город, исследовать его и во что бы то ни стало захватить золотой запас СССР. Чертовщиной маяться негоже, не для того несут службу, чтоб рассуждать или бояться не пойми чего. Мертвая энергия, вот еще!

Награду за железную выдержку полковник получил сегодня утром.

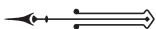
На горизонте показалась тонкая линия городских построек. «Ну, здравствуй, — мысленно приветствовал противника Кински. — Пейзаж как тогда!» Солнце стояло высоко, и, посоветовавшись по радиации со старпомом, он решил начать сближение. Накатившее волнение удалось подавить усилием воли, и вот уже по общей связи неслись энергичные команды начальника экспедиции:

— Перестроиться в боевой порядок! Шестой и второй арликаны прикрывают фланги, разведотрядам спешиться, занять позиции в авангарде.

Слаженный военный организм пришел в движение, грязно-зеленая змея рассыпалась на кубики, техника растягивалась в шеренги. Два эшелона передовых позиций составили арликаны и танки, за ними чуть поодаль расположился броневи́к майора, еще чуть дальше — обоз. Пехотинцы бодро выскакивали из машин и, разобравшись по отделениям, пробежали мимо командира, чтобы затем встать цепочкой перед тяжелой бронетехникой. Он приветствовал подчиненных, приложив пальцы к козырьку, и получал в ответ преданные взгляды и такие же приветствия.

Уныние бесконечного пути сменилось возбуждением, люди радовались даже смертельно опасным переменам, лишь бы завершилась попытка серым однообразием.

— Объявляю задачу, парни, — отчеканил по радиации полковник. — Сегодня нужно подойти как можно ближе к городу и окопаться. Будьте готовы к любым неожиданностям: оборона неприятеля может преподнести сюрпризы. Храни нас Бог.

Взревев моторами, техника медленно потянулась за ушедшими вперед разведчиками. Все гладко, но напряжение в душе Кински росло, и, когда послышался грохот далекого выстрела, он даже обрадовался: «Нас атаковали! Теперь с чистой совестью сравняем агрессора с землей!». Понеслось.

Над центральным арликоном разорвался снаряд, нейтрализованный активным компонентом защиты. Заревела сирена общей тревоги. Радисты затараторили, связываясь с передовой линией: «Чарли семь, Чарли семь, это Чарли один, доложите обстановку...» Где-то впереди солидно ухнул артустановкой седьмой, отвечая на вражескую атаку.

— Чарли семь докладывает о попадании в противника! — отрапортовал радист майору.

Пехотинцы тонкими ручейками заструились между наступавшей техникой. Скорее под защиту бронированных машин, людям впереди сейчас не место!

Тем временем к бою подключилась вся линия обороны Сансити. Залпы множества орудий загрохотали учащенно, осколки тарабанили по броне, как градины по крыше. Танки и арликоны огрызались заградительным огнем, не забывая посылать приветы противнику. Укрепленные точки врага умолкали одна за другой.

— Сэр, мы засекали ракетные пуски! — воскликнул оператор локатора.

Одновременно с его словами в сознание Кински ворвался жуткий треск, на броню шлепнулись тяжелые куски металла. Радисты принялись судорожно связываться с экипажами. Кински прильнул к визиру. Справа, из-за корпуса ближайшего танка, валил черный дым. Когда строй продвинулся вперед, глазам командующего предстал

подбитый арликон: две оборванные гусеницы из четырех растянулись по земле, башню в бессилии повело вбок, горела корма.

— Чарли семь подбит! — донесся рапорт.

— Общая команда! — гаркнул полковник в переговорное устройство. — Увеличить интервал, скорость десять. Двенадцатый и четвертый, прикройте седьмого. Что с пехотой?

Там потерь не имелось. Хорошо.

Танкисты и команды арликонов постепенно принаравливались к противнику, пристреливались, вражеские ракеты уже не могли добраться до грозных машин, сбиваемые на подлете. Огневой перевес неуклонно переходил к наступающим, и санитарный БТР не подбирал свежих раненых.

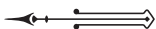
Вдалеке возникли маленькие фигурки роботов, и опытный Кински приказал остановиться. Старых знакомых он решил встретить основательно. Но роботы тоже прекратили сближение и, вернувшись на исходные рубежи, затаились под защитой уцелевшей артиллерии.

«Что ж, — решил майор, — устроим вам пекло».

Арликоны по команде начальника экспедиции начали завораживающе синхронно поднимать пусковые установки в небо, и через десяток секунд тяжелые ракеты накрыли огненным штормом засвеченные позиции неприятеля. За залпом последовала гробовая тишина, отвечать на него было, похоже, некому. Три недобитых робота умудрились, правда, повредить танк, когда подразделение подошло к советским позициям, но большего им не позволили пехота и стрелявший в упор шестой арликон.

«Я же говорил, сегодня — не вчера!» — торжествовал полковник.

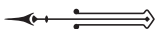
Победа в сорокаминутном бою стоила экспедиции пятерых убитыми, уничтоженного танка и подбитого арлика. Последний пришлось оставить, перегрузив боезапас и топливо на исправные машины. Прямо по курсу раскинулся уже недалекий Сансити, и, прежде чем войти туда, Кински произвел заранее спланированные приготовления.

Глава 2

Вечером молодой специалист возвращался на работу с тяжелым чувством. Хорошо, хоть вчерашний сон как-то разбавлял гнетущие мысли, по дороге можно помечтать. Такие сны приходили нечасто и оказывались до того реалистичными, словно параллельная реальность засасывала Игоря Кремова воронкой, окунала в себя и только по требованию будильника нехотя возвращала обратно. Никогда он не понимал ни сути снов, ни своей роли в них, но всякий раз без сомнений и колебаний принимал решения, управлялся с незнакомыми механизмами и безошибочно угадывал имена окружающих.

Казимиров советовал записывать увиденное в блокнот поутру, но Игорь всякий раз откладывал записи до лучшего случая, выкраивая перед работой лишь несколько минут на примитивный завтрак. Почему старика вообще интересовали эти сны? Может, возрастное чудачество? Хорошее оправдание, чтобы ничего не записывать. Или вот, к примеру, ненавистная работа — чем не оправдание?

Ненавистная работа... А ведь недавно все начиналось многообещающе.

Игорю повезло: сразу по окончании Улья он получил престижное место в отделе «Нерв» шестого управления прокуратуры Северо-Восточного Мегалополиса. Мечта о супружеской следственной романтике стала явью.

Отдел «Нерв» создавался в структуре Управления с целью внедрения в следственный и надзорный процесс приемов психологического анализа, поиска, воздействия на подозреваемых и обвиняемых. Нервы присутствовали на осмотрах мест происшествий, при допросах, сопровождали другие следственные действия в обстановке неочевидности преступления.

Некоторые уникалы обладают настолько развитой нервной системой, что способны фиксировать импульсы ничтожно слабой силы. Такие люди почти физически чувствуют боль окружающих и различают следы чужих эмоций даже по прошествии какого-то времени. Эмоции ведь никуда не исчезают, и висящую «в воздухе» взвесь из страха, ненависти, обиды еще долго можно «понюхать».

«Разнюхиванием» Нервы и занимались.

Например, когда следователю не удавалось установить место ссоры погибшего и убийцы или направление, в котором затем скрылся последний, Нервы прощупывали эфир. Место ссоры выглядело коричневым пятном с рваными краями, а путь отхода преступника четко очерчивался полосами: оранжевыми вперемешку с черными. Дальше — дело техники.

Очень быстро Кремов выучил профессиональный жаргон и в кругу коллег уверенно щеголял словечками вроде «висяк», «терпила» или «жмур». Студенческие джинсы и свитера сменились строгим костюмом с неудобным по определению галстуком. Нервам, в отличие от обычных

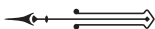

следователей, предписывалось неукоснительно соблюдать форму, подчеркивая привилегированный статус. Работа навалилась, приходилось вкалывать над уголовными делами до бессознательного состояния.

Баланс нередко перекашивало то вправо, то влево от точки «М», Игорь фиксировал это безошибочно. Иной раз приходилось настолько быстро и болезненно «выскакивать» из острого восприятия, что голова начинала болеть, а затем не унималась сутки.

Казимиров предупреждал давным-давно: «Контроль баланса является одним из краеугольных камней, на которых зиждется здоровье и КПД любого Нерва, чижики! Обостряя восприятие чрезвычайно, каждый из вас наверняка докопается до самых тонких импульсов преступника, разнохает слабейшие психоследы, но бойтесь последствий! Депрессия, хроническая меланхолия и даже пограничное со схлопыванием состояние — далеко не полный перечень напастей, подстерегающих нас в режиме глубокого погружения! С нарастанием проблем плечо последствий устремляется вниз по экспоненте, и в определенный момент ситуация приобретает фатальный характер, когда никто, никто не спасет несчастного! С другой стороны, беспрестанно болтающий Нерв или Нерв, наглухо блокирующий боль и совесть, утрачивает дар психозрения! Так-то! Ваша задача держаться точки „М“ и с умом распускать щупальца...»

Да, старик знал, о чем говорил. Простыми словами он доносил до «чижиков» материал базового курса с его понятиями о пассиве и активе психовосприятия, о точке «М» — священной корове Улья, о балансе — общем и специальном, об амплитуде балансовых колебаний, ее частоте, уровнях, силе, о реактивных факторах, обо всем остальном.

Как сложно оказалось подружить теорию с практикой! В «Нерве» нормально не работала ни одна формула из старых конспектов. «Загрязнения» воспринимались разными Нервами неодинаково. Игоря, например, частенько рвало на месте убийств либо после участия в сложном судебном процессе. «Изнашиваемся, батенька, а что поделывать?» — ответил как-то замначальника отдела, когда уставший Кремов пожаловался на внутреннее опустошение.

Баланс подвисал в пассиве или активе, не желая ритмично возвращаться к точке «М». Игорь чаще оставался в пассиве, а Миха Семенштольберг, к примеру, наоборот! Последний, правда, всегда отличался словоохотливостью. Игорю Семенштольберг в шутку говаривал: «Ну что, Максимыч, в монахи подался или держишься еще?» — и обычно прихохатывал, а Кремов отвечал чем-то вроде: «Ряс в универмаг не завезли, без них никак!»

Он понимал, что схлопывание пока не грозит: еще сильны реактивные факторы — молодость, физическое здоровье, удерживающие стрелку от сползания к «фатальным» отклонениям.

Да, Игорь справлялся. Особенно преуспел вчерашний «чижик» в «застреле» скоротечных импульсов преступников, когда негодяи закрывались наглухо. Казимиров считал, что это парадоксальная способность, которую он прежде ни у кого из Нервов не встречал. Для «застрела» требовалось находиться и в пассиве, и в активе одновременно — с одной стороны, бдительно стеречь эмоцию допрашиваемого, а с другой — «оголять провода» по максимуму. Игорь сам не понимал, как ему удается сочетать несочетаемое и мгновенно выдергивать из эмоционально-мысленного шума преступника тот единственный ключевой импульс,

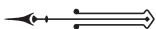

через который, как через игольное ушко, можно проникнуть в неприступную, казалось бы, крепость.

Например, в деле разнохивания психоследов на месте преступления, особенно старых, никто не мог переплюнуть Пантелея Смирнова, однокашника Кремова. О, тот обожал со стеклянными глазами зависнуть у лужи крови на пару часов! Пантелей распутывал следы с маниакальной скрупулезностью и погружался в такой дремучий пассив, из которого перфекционисту-мазохисту случалось выкарабкиваться неделями. Не без хижэ-клуровских инъекций, между прочим. Неудивительно, что впечатлительного Пантюху подпускали к работе нечасто, в исключительно важных случаях и в обстановке крайней неочевидности преступления.

Михай, напротив, брал наскоком, решения принимал без раскочки. Раскрытие по горячим следам, когда событие еще сочится черной свежестью, — вот ипостась Семенштольберга, за которую его обожали следователи. Тонкое восприятие давалось ему плохо. Он не заморачивался условностями и как-то признался Игорю, что незаметно от опергруппы выгащил из бумажника утопленника деньги, а на упрёк, что это отвратительно, расхохотался. Да, актив в Семенштольберге бурлил, Миха, по собственному признанию, любил «прибухнуть», а на деле — накачаться спиртным инкогнито в каком-нибудь пивбаре в обнимку с контингентом со дна жизни. «У пуган и пройдох самые честные эмоции», — не уставал повторять Семенштольберг, и в чем-то, пожалуй, был прав. Хижэ Клуром он не пользовался никогда. Водка вполне заменяла ему Хижэ Клур.

Но ни Миха, ни Пантелей не умели «застреливать» мимолетные импульсы тех, кто скрыл и место преступления,

и объективные следы, эмоционально «застегнувшись на все пуговицы». Теория психозрения постулирует: «нельзя прощупать того, кто умышленно скрывает психотокси», и с практикой здесь дело не расходится, но в то же время учебники упоминали «кратковременное снятие блокады», когда допрашиваемому сообщали информацию, заставляющую того немного дрогнуть. В этот момент, согласно расчетам корифеев, в эфире должна промелькнуть эмоция, через которую возможно как бы «расковырять» в барьере преступника брешь. Она настолько призрачна, что для ее фиксации необходимо уйти в предельный пассив, но при этом настолько ускользающе быстра, что для отлова требует мгновенной реакции и крайнего актива.

Лабораторные исследования на эту тему не проводились, эмоция-фантом, открывая давным-давно «на кончике пера», там же осталась, а реальная фиксация ее связывалась теоретиками только с прогрессом в фармакологической отрасли: та рано или поздно должна была синтезировать какое-нибудь вещество, превращающее заурядного Нерва в машину со сверхпараметрами.

Тем не менее Игорь умел застреливать без химии.

Прошло несколько лет.

Игорь вдруг поднял глаза и посмотрел на все шире. Хотя слово «вдруг» здесь не совсем уместно. Всевозможные нарушения и злоупотребления в правоохранительной системе специалист подмечал и ранее. Каждый подобный случай Кремов заталкивал глубоко в себя и старался забыть, оправдывая происходящее философским «такова реальность, она не без изъянов». Фокус удавался, но, к сожалению, обезличиваясь в памяти, пережитое срасталось в ком неперевариваемой отравы.

Когда ком разросся до критического уровня, это самое «вдруг» и случилось. Вдруг стало понятно, что нарушения и злоупотребления являются не исключением из правил, не сбоем налаженной и справедливой системы правосудия, а необходимым условием ее существования. Он и его коллеги были частью прожорливой и сильной банды с официальным государственным статусом. Банда обслуживала интересы хозяев жизни, что никак не согласовывалось с моральными законами, привитыми в Улье. Глубокое противоречие с казенной ролью обещало рано или поздно выгнать из подсознания Игоря все долго замалчиваемые грехи и заставить ответить на главный вопрос. Однако к моменту, когда внутренний нарыв вызрел, когда пресс сделался почти невыносимым, неожиданно наступило некоторое облегчение. Ноша показалась не такой уж тяжелой и даже вполне терпимой!

Кремов испугался до жути. Под статусной, но смертельно токсичной обложкой заживо гнил человек, которым он себя всегда считал. Сначала, конечно, больно, но затем по мере отмирания гнилья обычно приходит то самое «вполне терпимо». Постепенно усохнут раны, улягутся страсти, маска высосет из своего носителя все соки, убьет ростки сомнений и любое неприятие Канонических Правил Игры.

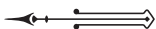
Страшно!

Маятник замер, готовый качнуться в любую сторону и остаться там навсегда.

Может, существует компромисс? Как-то живут же люди, сочетая мораль и реальность? Может, не так и плохи КПИ?

Канон учит, что мир материален. В умах материя всегда стремится к единому знаменателю, чтобы мерить сущее было удобно. Можно попытаться измерить событие

в улыбках или слезах. В конце концов, с детства любому человечку твердят: «Совесь — мера поступков». Но улыбки, слезы, совесь — большая экзотика, порожденная токами сердца. Эти декларативные ориентиры — редкие исключения из железного правила, где цену всему прагматичный желудок отмеряет исключительно в еде. Нет еды — нет нас. Не поспоришь.

Шаг за шагом вырабатывается рефлекс: желудок диктует разуму, а тот, дай лишь волю, обоснует все на потребу заказчика. Он увещевает сердце: «Ты хорошее, доброе, только посиди в чуланчике, пока мы мараем руки. Что? Нехорошо мараь? Все так делают, понимаешь? Так-то мы хорошие, но где-то глубоко внутри, в твоём чуланчике...»

Компромисс? Пожалуйста!

Правда, для этого следует договориться об одной мере — и чтобы без перекосов. Ты не хочешь в еде, я не хочу в совести, так что... с очередной отрыжкой приходит очевиднейший ответ: будем мерить в деньгах! Хватаемся за этот вариант как за соломинку. Еще бы, ведь деньги — нечто абстрактное и оттого гораздо более благородное, нежели вульгарная еда. Фи, от последней попахивает дешевой колбасой и немьгтым унитазом, как низко! То ли дело «мера свободы», «слуга желаний», «воплотитель мечты», в конце концов! Теперь мы рыщем не в поисках какой-то там наживы, мы же добываем «меру свободы» и, разжившись ею, парим в небесах в согласии с собой! Ура, КПИ работают!

Только... Почему не проходит страх, почему сердце упорно ищет подвох?

Вечерне-ночные сверхурочные, обычные и такие опостылевшие, поблекшая следственная романтика, разочарование. ХАЭН показывает час ночи.

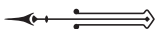
Глава 3

Труп молодой женщины на фото выглядел крайне неприятно. Кремов даже не сразу смог определить, какой стороной она лежала к объективу — красноватая котлета без четко различимых фрагментов лица. Наконец среди комка волос, склеенных застывшей кровью, Игорь разобрал две темно-фиолетовых припухлости.

— Ну вот и глаза, — вздохнув, произнес он.

Доведенным до автоматизма движением рука подхватила кружку кофе и поднесла к губам. С недавнего времени Игорь полюбил разводить кофе коньяком и пить этот целебный раствор в конце рабочего дня перед наступавшей рабочей ночью. Не так радикально, как Хижэ Клур. Алкоголь считался более щадящим средством и успокаивал нервы, его, Игоря, ценнейшие нервы, позволяя отвлечься от невыполненной в срок работы, от неизбежного нагоняя начальства, от всего. Сейчас кофе с коньяком коллективно боролись с бунтом против КПИ.

Кремову поручили вести непростое уголовное дело. Собственно, обстоятельства дела сложными не являлись и, за исключением дикой жестокости, выглядели

типично — убийство на почве ревности. В голове не укладывалось другое: преступнику вменялось неосторожное причинение смерти, а вовсе не убийство. До этого Игорю казалось, что понятие неосторожности не подразумевает избивание человека в течение получаса до состояния заливного. Нельзя неосторожно ударять свою жену по голове, методично разминая череп, а затем швырять ее тело о землю на глазах общего ребенка... Очередной глоток «целебного напитка» оставил горьковатый привкус.

Прошедшим утром на несуразность обвинения он попытался указать прокурору, но нарвался на грубую отповедь. Приказано поддерживать «сформированную позицию» во что бы то ни стало и «не трахать мозги начальству своими бредовыми идеями».

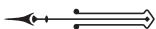
Теперь, попивая алкогольный кофе, листая страницы дела под жестким светом настольной лампы, Игорь с отвращением ощутил, что у молодой матери ничтожно низкая цена. Ее мечты, планы, чувства как пух одуванчика сдул звероподобный урод. Он лишил ее жизни, а теперь, призывав на помощь могущественного покровителя, устроил себе «удобную статью» с ожидаемым условным сроком. Внутренний мир убитой нематериален, за него не выручить и малости денег, так на что же он? Никакой совести, помнишь? Договорились же — деньги, только наличные. И убийца предстает неосторожной жертвой своей ошибки. А Игорь? Не без вознаграждения. С КШИ все «по чесноку», без обмана: жертве уже все равно, а от того, что «раскаившемуся парню» тюрьма жизнь ломает, — кому легче? Безупречная логика. Идеальный компромисс. Душевное равновесие.

В этот момент Кремов почувствовал, что стрелка маятника пришла в движение.

Глава 4

Мегполис, огромный человеческий муравейник. Миллионы соседствуют бок о бок, ежесекундно ощущая взаимное дыхание. Их так много, что в пору говорить не об отдельных личностях, а об усредненной массе со своим интеллектом, желаниями. Будто гигантское существо с суточным жизненным циклом утром змеинными рукавами расползается по магистралям города, просачивается в офисы, поглощает тонны сэндвичей, сигарет, впитывает гекалитры кофе; днем занимает свои клетки имитацией полезного труда, поддерживая тонус; вечером возвращается в логово, чтобы отдохнуть, но оставляет один глаз открытым — шумная ночная смена заступает на вахту клубами, аптеками, ревущими моторами стритрейсеров, драгдилерами, грабителями и армией проституток. Снова кофе, снова сигаретный дым, но в очаровании приглушенной подсветки и в атмосфере почти анархии. Существо иногда болеет, иногда хандрит, но все равно растет и набирает массу.

На первый взгляд, человеческой крошке должно быть неуютно в утробе гиганта. Обитатели города сжигают

себя — чахнут, вдыхая отраву выхлопных газов в тесных коробочках на колесах. Они ничего не производят, их действия — полный пшик, сотни тонн бессмысленного бумагооборота и ширпотреба. Юристы, менеджеры, администраторы, продавцы. Профессии — унисекс. Здесь не нужна мужественность, не нужна женственность, отменяется прежняя мораль, разлагаются семьи — ведь жены по-прежнему требуют от мужей хорошей добычи в обмен на домашний очаг. А если добыча не зависит от сильных рук и физического труда? А если ее проще получить длинными каблуками, короткой юбкой и парой минут ежедневных унижений? Здравствуй, новая реальность, здравствуй, актуальная мораль. Мужчины больше не в моде! Они превращаются во что-то другое, например, в завсегдатаев бара «Gays only», а их место охотно занимают завсегдатаи других баров, куда мальчикам вход категорически запрещен.

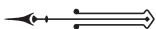
Содом и Гоморра! Да, частенько об этом возмущенно кричат с экранов самые растленные господа — политики в попытке заработать дешевые висты. Полноте! Висты дешевеют слишком быстро, скоро ради них и рта открыть никто не захочет. Гигантское существо и человек обо всем договорились: город заменяет кривой индивидуализм хорошим ровным стадным чувством, что справедливо, — вместе с избыточным «я» уходят страхи, раздражение, ощущение обреченности и бессмысленности личного существования. Это как у Тома Сойера, который привил ватаге скептиков правильный взгляд на побелку забора, и те не подкачали, выполнив нудную работу да еще заплатив в твердой валюте! Никто из них не мучился тщетностью бытия! По этой же причине человеческой крошке неплохо живется в Мегалополисе, и ни на что другое она свою

жизнь не променяет. «Не сопротивляйтесь», — убедительно шепчет город миллионами голосов, а если нет: «Руки вверх!» — во все времена хорошее слово, и пистолет лучше, чем просто хорошее слово. Правоохранительная система рада подстраховать неженков-дипломатов! Полиция оправдывает свое существование на все сто, пусть дикарям и кажется, что она самодовольна, раздута и прогнила от коррупции. Повторяем фокус — избавляемся от предрассудков, жизнь налаживается. Новая мораль не ущербна, она именно актуальна и спасительна. Как без нее?

К счастью, эти, внизу, — уже не совсем люди. Человеку много чего нужно, и в перечне человеческом нет ни наркотиков, ни проституток, ни сэндвичей, ни ширпотреба. Человеку подавай высшие благодетели: свободу, любовь, мир и равенство; человек склонен мечтать об исследовании вселенной, бессмертии; человек нетерпим к фальши, им невозможно эффективно управлять. Поди утонись за его потребностями! Проще чуть-чуть уплощить природу двуногого.

Когда-то, на заре существования вида, будущие люди не отличались от зверей, мыслили конкретно и практично, следовали за горячими импульсами сиюминутных желаний — поесть, поспать, совокупиться. Хорошая, предсказуемая формула. Но затем природа или неизвестный механик зачем-то добавил примитивному, но безотказному мозгу мудреный «нарост» — кору. Именно в ней сосредоточилось человеческое: логика, долгосрочный расчет, сила воли, критические способности. Получившийся в результате такой инженерии прототип вмиг вознесся над соседями по планете! Горячие животные импульсы никуда не делись, но отныне могли с переменным успехом тормозиться

холодным рассудком. И тот сделался «человечнее», у кого это выходило лучше. Наиболее способные возвысились не только над природой, но и над соплеменниками, став королями. Правителю важнее всего власть! Ради нее он без раздумья отберет привилегию человечности даже у Господа Бога, не говоря уж о соплеменниках, здесь все события хороши.

Существа внизу уже не совсем люди. Они дофаминовые маньяки, ими можно управлять. Их приучили живо откликаться на импульсы древней части мозга — есть, спать, совокупляться, в то же время кору правители полностью выключали из процесса. Это несложно. Пока высшие желания только «надевают штаны», примитивные успевают пожрать все наличное время и силы: предложи вовремя двуногому хот-дог — и он забудет о всей вселенной. Трюк действовал безотказно, даже на тех, кто пытался сопротивляться.

Экселенец размышлял, озабоченно потирая подбородок. На улице лил сильный дождь, и город с девяностого этажа казался уродливым скоплением термитников под пеленой падающих капель. Слабого света, проникавшего через огромные окна, не хватало. Бетонная фабрика исправно переваривала человеческие страсти своими потрохами, перерождая даже законченных упрямцев в нормальных граждан.

Это хорошо. Стабильность и порядок.

Но недавно на Востоке возникли процессы, угрожающие привычному укладу.

Проблемы с Восточным дистриктом начались не вчера. Еще во время его заселения беженцами из советского Сансити некоторые эфоры предрекали рост преступности

и, самое главное, столкновение идеологий. Возможно, они были правы насчет единовременного глобального удара, способного истребить красную саранчу и окончательно «решить вопрос», но время, увы, упущено.

Нельзя сказать, что правительство и лично Экселенец ничего не сделали, чтоб Мегполис качественно ассимилировал пришельцев: их обучили правильному языку, попутно внушив отвращение к русскому, им внедрили полезные алгоритмы потребления и труда, сформировали нужные вкусы, тихо отняли библиотеки, заменив книги ХАЭНами и поточными блокбастерами, посадили на общегородской фаст-фуд. Это дало ожидаемые всходы, появилось целое поколение «лояльных». Но между культурными колосьями все равно проглядывала сорная трава. С ней мирились в надежде, что со временем колосья ее задушат, но, к сожалению, что-то пошло не так. Докатились до неприемлемого: с территории квартала совершаются попытки ракетных пусков, а местная администрация потрясает основы основ — со скрипом делится финансовой отчетностью.

Особенно тревожили ракетные пуски. Нельзя допустить прорыва русских на орбиту, иначе система, сложившаяся за десятилетия, пойдет вразнос.

Экселенец отпил воды из хрустального бокала. Стекло давало глубокий алмазный отблеск, собирая в прозрачном теле скудное дневное освещение. Красиво, но человека не трогала красота. Через час предстояло совещание эфората.

Глава 5

За длинным черным столом в сумрачном зале собралось двенадцать человек.

— Уважаемые джентльмены, объявляю наше совещание открытым. — Экселенец произнес это спокойно, без напыщенности.

Он медленно обвел собравшихся взглядом, что являлось знаком его особой озабоченности и тревоги.

— Мы собрались здесь, — продолжил Экселенец, — чтобы обсудить кое-какие вопросы. Боюсь, мне придется начать издалека, с общеизвестных фактов. Прежде местность, занимаемая Мегалополисом, была пустынной и мертвой. Имперское Бюро возвело на ней базу, со временем превратившуюся в наш прекрасный город. Северо-восточнее высадились русские. Наши предки соперничали с ними еще на заре земной истории, а по некоторым данным — еще до ее начала. Наше государство превратилось в совершенную систему, позволяющую ему существовать вечно. Я знаю, о чем говорю. . . Мы одолели коммунистов в их логове — Сансити, но, к сожалению, с проблемой не покончено. Речь не о лояльных — эти переплавлены и интегрированы в наше общество

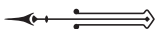

надежно, — речь о тех, кто дефектен необратимо. Северо-Восточный квартал Мегалополиса, печально известный Защекинск, начинает дегradировать, и наших усилий уже не хватает, чтобы по-прежнему насаждать в нем цивилизованный порядок. Лучших из лучших — ученых, рабочих, менеджеров мы давно вывели оттуда, поселили среди нас, воспитали как следует, а отбросы до сих пор были предоставлены сами себе. Что сейчас представляет собой Северо-Восточный квартал? — Экселенец выдержал паузу, словно подыскивая выражение. — Как мы знаем, клоаку. Их ракеты неизбежно падают, мы контролируем образовательный процесс, а наши идеалы свободы все сильнее привлекают молодых защекинцев. ...Однако перейдем к делу. В последнее время Пятое управление службы безопасности имперского Бюро начало фиксировать тревожные события. Мы не до конца понимаем, куда уходят деньги русских, не вполне контролируем их оборот. Некоторые люди покидают Защекинск и безвозвратно исчезают на северо-востоке...

Среди присутствующих прокатился приглушенный ропот. Эфор Скотт, краснощекий, коротко стриженный буйвол, известный своим темпераментом, воскликнул:

— Куда вы клоните, Верховный? Это как-то связано с Сансити? Если так, то что с того? Пусть погибают в этой трясине. Мне лично не жалко защекинское отребье.

— Дело совсем не в отребье, — раздраженно ответил Экселенец, — уверен, мистер Скотт, что собравшиеся взволновались не по их жизням. Позвольте продолжить. Многие наверняка увязали денежный вопрос с миграцией в пустошь, ведь так? Наши аналитики уверены, что русские пытаются найти в оставленном Сансити прежние ресурсы: технологии, прежде всего ракетные, и запасы золота.

К чему это приведет, объяснять нужно?.. Мы не сидели сложа руки. Три года назад в Сансити отправилась экспедиция, возглавляемая полковником Кински. Связь с ними прервалась, никто не вернулся. Что там произошло, мы не знали, но буквально вчера строители оборонительной стены на северо-восточном направлении обнаружили автозонад экспедиции! Зонад содержал информацию о боях с роботами Сансити!

Тишину взорвал гул множества голосов. В глазах собравшихся читались растерянность и недоумение. Верховный наблюдал за произведенным эффектом и ждал дальнейшего развития.

— Что это может значить? Как?.. — звучали вопросы.

— Это еще не все. Три недели назад главная следящая антенна Мегалополиса приняла радиосигналы. Бессвязные обрывки фраз и множество фоновых шумов. Радисты запеленговали источник сигналов. Джентльмены, в эфир вышел Сансити! Часть ответов здесь. — Верховный положил на стол папку с бумагами.

На этих словах одна из стен зала озарилась слабым мерцанием, слышались щелчки и шум радиопомех. Не сразу, но постепенно и все отчетливей присутствующие начали разбирать пробивавшийся сквозь помехи женский голос:

«Координаты 43–18. Повторяю, координаты 43–18! Сообщаю установку: активируйте программы претендентов! Высший уровень контроля!»

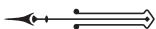
Запись, повторяясь, звучала секунд сорок, не больше, по ее окончании в зале воцарилась тишина. Верховный посмотрел в сторону своего референта, и тот немедленно разложил перед каждым присутствующим папки. Затем Экселенец сделал знак глазами человеку, до того неприметно

стоявшему у окна. Конрад Галаган, мрачный помощник Верховного, бесшумно подошел к столу собраний.

— Джентльмены, прозвучавшая запись принята антенной несколько раз. Разумеется, эксперты поколдовали с файлом. Выяснилось, что передача велась с восточной окраины Солнечного радиостанцией советского образца типа «Сириус», послание повторяется циклично на засекреченной частоте советских военных. Информацию о ней нам сдали давным-давно лояльные. Несомненно, русские приняли этот сигнал, потому что резко участились попытки пересечь северо-восточную границу. О них только что рассказал уважаемый Экселенец... Мы установили личности некоторых, парочку расстреляли на блокпосту военные, когда они пытались проскочить в пустошь. Затем случился эксцесс на другом посту, там несколько молодых парней устроили целую операцию с целью преодоления пограничного заслона. К счастью, им это не удалось, выживших задержали, допросили, и выяснилось, как и в первом случае, что все они имеют отношение к Сопротивлению, а этим попыткам предшествовало множество более ранних, когда пограничная охрана только развивалась и не могла эффективно бороться с незаконными проникновениями. Становится очевидным методичность и организованность побегов, координатором большинства из них выступает Сопротивление.

После каждой попытки прорыва бойцов Сопротивления возникала цепная реакция в Зашекинске: многие, как нерестящиеся лососи, начинают возвращаться к мыслям о прошлом. Так, три года назад статистика сетевого поиска указывала, что запросов на советскую тематику размещалось меньше тысячной процента от общего количества. В основном население интересовалось порно — 70 %.

Сейчас количество запросов о Сансити и способах его посещения, а также об их прошлой истории приближается к одному проценту. С одной стороны, это очень тревожный показатель...

— А порно-то сохранило рейтинг?! — загоготал, перебив докладчика, Скотт. Его сальная шутка разрядила обстановку.

— Сохранило, мистер Скотт, — с непроницаемым лицом ответил Галаган, — но вернемся к сути. Наши осведомители имеются в Соппротивлении, а некоторые из мятежников даже сотрудничают с нами, но наиболее радикальные группировки слишком закрыты и выведать их планы пока невозможно.

Галаган умолк и отступил к окну. Эфоры вполголоса обсуждали услышанное, перелистывая страницы досье.

— Что думаете, господа? — произнес Экселенец.

На самом деле, мнение большинства его не интересовало, он ждал комментариев и вопросов от нового эфора Джеймсона. Последний недавно заслужил право заседать в элите. Выслушав Скотта о «необходимости силового метода», Экселенец наконец дождался и многообещающего новичка. Подтянутый седеющий воротила медиакорпорации начал осторожно:

— Я согласен с эфором Скоттом в том, чтобы полностью перекрыть границы, даже на северо-восточных пустынных окраинах, где нет прямых дорог в Сансити. Но этого недостаточно. Очевидно, мятежники не угомонятся. Предлагаю через СМИ выхолостить идею о возвращении в прошлое для лояльных.

— Как это? — с тупым видом поинтересовался Скотт.

Экселенец испытал к нему почти отвращение.

— Дайте договорить Джеймсону, — резко осадил он.

— Выхлостить идею, — продолжил Джеймсон, — путем запуска различных шоу вроде «Камбэк ту Сансити», где различные старикашки будут предаваться ностальгии по каким-нибудь плавленым сыркам и мороженому. Это отпугнет от темы молодежь, сделает скучными для них цели Сопротивления. Параллельно наштамповать программ о серости и безысходности их истории, что заставит потенциальных бунтарей задуматься, а зачем туда вообще возвращаться? Их символы следует сравнивать с клоунскими погремушками, а достижения нивелировать критикой. Малолетним хулиганам тема Сансити станет хобби, взрослым — пустой трухой и ничего не значащей ностальгией. И это только для начала...

Экселенец с уважением разглядывал выступающего, в голове пронеслось: «Несомненно, он приобретение для эффората».

После Джеймсона слово взял Мерфи, старая добрая акула финансов, которая всегда с сожалеющим видом непреклонно пожирала конкурентов и ни во что не ставила человеческий планктон:

— Идеи мистера Джеймсона позволят стабилизировать количество настоящих системных маргиналов, я на его стороне...

— То есть порнуха опять восторжествует?! — снова влез Скотт, и снова удачно, так как присутствующие расхохотались.

— В некотором роде да, — не смутился Мерфи, — количество просоветских запросов в сети не уменьшится, а вот их качество и опасность упадет. Сработает эффект шоу мистера Джеймсона. Но меня мучает загадка Сансити, что там творится? После побоищ времен катастрофы не должно остаться выживших.

Глава 6

Из утилизированных записей Максима Кремова. Южные рудники, Мегаполис.

«Похоже, октябрь. День 1.

Я знаю, что труд мой сизифов, и никогда ты не прочтешь этот дневник, сынок. Но где-то в глубине души верю в лучшее. Зачем-то сгодятся эти строчки, как-то сохранится память, ведь рукописи не горят, они вечны.

Мне хочется покаяться перед тобой, чтобы ошибка моя не осталась непонятой. Не прощения хочется, во все нет, просто ты должен уберечь себя, глядя на меня.

С недавних пор у меня и у других шахтеров появилось свободное время, не то чтобы много, но не в пример больше прежнего. Бумага теперь тоже не дефицит. И кормят! Но все это уже не имеет особенного смысла. Из нашего набора в живых значатся шестнадцать человек — крохи... Остальные умерли.

У меня появился кашель, такой же, как у тех, кто отправлялся на тот свет. С этого момента часы начинают тикать громче, навязчиво напоминая

о приближающемся конце. Это даже хорошо, надоело барахтаться. Жалею только, что больше не увижу твою маму и тебя. Я и жив-то потому, что каждую ночь вижу во сне твои глазки-бусинки, маленький носик, хитрую улыбку. Мне кажется, я чувствую прикосновение твоих пальчиков, запах волос, слышу твой плач или залихватистый хохоток. Такой, когда тебя щекочешь подмышками или кусаешь за ушки.

Мне страшно хочется плакать, но не получается. Не рыдать, не лить слезы, не орать и не выть, именно плакать. Не выходит, как ни силюсь. У Гришки Туманова получилось перед смертью, он в слезах словно растворился. Отпустило, наверное. А меня пока не отпускает. Я все отдал бы за встречу с тобой и мамой. Хоть на минутку, чтоб убедиться, что у вас все хорошо. После этого — пусть трехэтажный кашель, пусть вздохлб и с кровью, уже даже б в удовольствии.

Боюсь, совсем расклеюсь, если продолжу в том же духе.

На шахте дела идут по-старому. Бессмысленный труд изо дня в день. Таскаем вручную бидоны с ребисом от зари и дотемна. Администрация решила добить — поставила в соседнем забое автомат, так он молотит выработку астрономическую, в секунду больше, чем мы за день. Это ли не издевательство? Но у меня есть секрет: нельзя обескуражить обреченного. Хоть с этой машиной, хоть без нее я точно знаю, что умру, так что все их попытки растоптать меня ни к чему не приведут. Дудки!

Перечитал написанное. Ты знаешь, мне стало чуток легче. Даже в боку болит маленько потише. Теперь начну считать дни, раньше в этом не было нужды и смысла».

Глава 7

Игорь любил свой мотоцикл. Знакомство с ним, как и все значимое, произошло случайно, задолго до встречи с Ланой.

Обычно редкие выходные Кремова-холостяка протекали в ничегонеделании, сонная апатия едва позволяла прогуляться и подышать свежим воздухом, да и то через титаническое усилие воли, норовя в противном случае запереть на весь день в постели под предательски теплым одеялом.

Однажды удалось проснуться рано, безо всяких внешних причин. Баланс чудно покоился в точке «М». Удивившись, Игорь сварил кофе и с ним тратил неожиданный бонус времени на расслабленное созерцание пейзажа за окном. В квадрате, очерченном контрастно-темными полями стен, медленно проплывали облачка, похожие на пену для бритья, которую кто-то пальцем размазал по синему кафелю: влево-вправо, влево-вправо. «Так вот как картины пишутся!» — лениво подумал Нерв, прихлебывая остывший американо.

Вместе с ранним пробуждением пришло редкое состояние беззаботности и благодушия. Ничто не раздражало

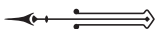
и не преследовало, любую случайную мысль можно было обдумать обстоятельно, по-бюргерски деловито, почти плоско.

ХАЭН пикнул новостным уведомлением. Что там? «Вчера ночью на взлете потерпел аварию космический аппарат „Надежда-11“, разрушена стартовая площадка, человеческих жертв нет». Вот и мысль, обдумывать которую сейчас наверняка примется мозг. «Надежда-11!» С бесхитростной прямолинейностью технари нумеруют изделия строго по порядку. Никто уже не верит, что хоть одно из них преодолет барьер безнадеги и пробьет дорогу за пределы купола. Вон Мегополис — не дураки и технически поразвитей, а попыток выбраться в космос не предпринимают, и ладно б защекинские ракетчики как-то сглаживали негатив, маскировали как-то: например, нумеровали попытки, чтобы никто не помнил, сколько раз яйцеголовые облажались, — так нет же, упорно афишируют в цифрах провалы. Эдак «Надежд» все больше будет, а надежды все меньше. Если б тот же Мегополис взялся за дело, то уже после пары аварий у проекта свершился бы ребрендинг, номера присваивали бы типа «Икс — 1,47 лэвэл 358», где не разберешь, к чему «икс», к чему «лэвэл», а к чему цифры — обделайся катастрофами хоть по горло, никто не заметит.

Все-таки не вышло у Игоря по-бюргерски самодовольно и благодушно отнестись к новости. Настроение испортилось. Он очень переживал неудачи с «Надеждами».

Нужно пройтись.

В голове текли вязкие мысли, причудливо перекидываясь между устройством вселенной и надобностью купить кефира да колбасы, как вдруг внимание привлекла витрина мотокомиссионки.

За стеклом блестели наполированным пластиком игрушки для подросших и не очень мальчиков — инвентарь определенной категории чудаков, той, что не лучше и не хуже иных, застолбивших право на свое существование непотопляемым: «А, ладно! Лишь бы не пил, не кололся!»

Если честно, Игорь не прочь был увлечься чем-то, пусть и не рациональным, пусть даже дорогостоящим, но отличным от кровавых рубашек и «вони» нашкодивших жуликов, вот только не срасталось ни с одним хобби. И не скажешь, что он плохо старался разбавить монотонность жизни, — да если б его старания вдруг стали предметом рассмотрения суда по вопросам добросовестного старания, то у присяжных не нашлось бы причин упрекнуть подсудимого в лени. Ну разве что чуть-чуть, на маленький условный срок, и то — для острастки, чтобы еще лучше старался.

«Какая чушь вертится в голове! — с отвращением заметил про себя Игорь. — Свихнусь скоро с этой работой». Он еще раз посмотрел на витрину. Нужно зайти. Не за аргументами для суда, а... да хоть бы и за аргументами, пусть так!

Внутри было тесно: мотоциклы стояли рядами впритык друг к другу, проходам недоставало ширины — из-за этого салон больше походил на нарядный склад, где вместимость поставлена во главу угла, а демонстрация прелестей товара — дело третье. На дилинканье дверного колокольчика из подсобки тут же выскочил продавец, распространяя в воздухе запах лапши быстрого приготовления. Впрочем, он ограничился кивком приветствия и не стал сходу расстреливать посетителя очередями рекламы, за что удостоился безмолвной благодарности Игоря.

Послonyaвшись пару минут в тишине между мотоциклами, Игорь уже собрался с чистой совестью продолжить

прерванное шествие за кефиром, как вдруг что-то екнуло в груди. У дальней стены неприметно стоял ОН. Не начищенный, в отличие от остальных, а напротив, покрытый солидным слоем складской пыли, без бирки с ценой и параметрами, но однозначно в миллионы раз более притягательный, чем все его собратья вместе взятые.

Каждая грань, каждая линия этой машины стремились к волнующему совершенству: в круглой фаре, глубоком вишневом колере бака, в изящной клетке рамы и тусклом металле V-образного мотора светилась прелесть чистого естества. А эти колеса? Широкое заднее и переднее, поменьше, прикрытое сверкающими тормозными дисками с рельефными суппортами! А раздельное сиденье из перфорированной кожи? Волшебно! Он моментально покорила бесстыдством здоровой наготы и наплевательским отношением к публике, падкой до продуктов вульгарной моды. Такой настоящий, честный.

— Привезли еще летом, но не продается. Цена, наверное, высоковата, — послышался голос продавца за спиной.

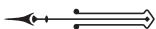
— Что за аппарат? — не оборачиваясь, спросил Игорь.

— «Супер-В» от «блюстар», модель редкая, да и фирма разорилась недавно, так что за запчастями кому-то побегать придется.

— Сколько стоит?

— Сто сорок пять тысяч, меньше никак, он в закупке золотым вышел, — будто извиняясь, сказал продавец. — Возьмите лучше «лайтнинг», товар ходовой, как надоест, продадите легко...

Заскрежетали многочисленные стулья по казенному полу, раздался шелест платьев одевавшихся мещан. С разочарованными лицами те покидали места за длинными

обшарпанными столами, так и не вкусив садистского удовольствия коллективной расправы. Суд добросовестного старания отныне упразднялся за ненадобностью, а подсудимый, не в состоянии поверить собственному спасению, растеряно хлопал глазами: не сон ли происходящее?

«Супер-В» стоил дорого, поэтому денег на покупку сразу не нашлось. Ко времени их с Игорем встречи Кремов уже прочно втянулся в забавную игру молодых холостяков под названием «таинственное исчезновение зарплаты», где таинственное исчезновение от размера зарплаты не зависело, но наступало неизбежно. Сто сорок пять тысяч копилась медленно и в муках. Каждый раз, приобретая что-то в магазине или собираясь на вечеринку, Игорь блокировал ХАЭН на лимит расходования средств. Он все реже пускался в путешествия по ночным клубам, реже обедал в прежних недешевых ресторанчиках с Михой, да и само общение с этим гулякой свернулось до минимума.

Однако время шло быстро, а сумма накоплений росла, напротив, неспешно. Через три месяца с восьмьюдесятью тысячами на ХАЭНе измотанный экономией Игорь решил, что свою миссию тот пыльный «Супер-В» может выполнить и опосредованно, ведь он уже заразил бациллой мотоциклизма. Стало быть, пока можно согласиться на «лайтнинг», тем более он товар ходовой со всеми вытекающими, а «СВ»... да тот наверняка уже продан, три месяца — рядный срок.

Сделка с совестью показалась выгодной, и через неделю поисков подержанный «лайтнинг» поблескивал надраенным пластиком в арендованном гараже... с беспощадной очевидностью констатируя провал политики «стерпится-слюбится».

Ходовой товар вскоре ушел в руки нового хозяина, короткий, несомненно, влился на нем в стаю клонов, бороздящих ночные улицы без шлемов и в тапочках, пугающих обывателя визгом рядных малокубатурных четверок. Опустошенный же Игорь решил взять перерыв, сосредоточившись на работе.

Но заноза не давала покоя, раздражая зудом в груди. Не выходил из головы образ «Супер-В». В конце концов Крёмов отправился в ту же мотокомиссионку безо всяких надежд и ожиданий, просто чтоб освежить давешнее прекрасное чувство.

«Супер-В» стоял как ни в чем ни бывало на том же месте и без ценника, правда, начищенный, как и все остальные мотоциклы.

— За сколько отдадите? — спросил Игорь у того же, что и в прошлый раз, продавца.

— Сто сорок пять тысяч, меньше никак, он в закупке золотым вышел, — устало ответил тот, конечно не узнав посетителя, и после паузы добавил: — Если что, на «лайтнинг» посмотрите, он дешевле, но ничем не хуже...

Глава 8

Как же давно это было! Сегодня Игорь уже не Нерв, и той жизни с ленивыми выходными нет, как, впрочем, и холостяцкой вольницы, и лучшего друга Мухи рядом. Он-то выдержал, остался. А Игорь пытается справиться со своим кризисом и недовольством жены.

Сегодня предстояло вывести мотоцикл из гаража после долгого перерыва.

— Давно не виделись, «Супер-В», — улыбнулся Кремов, — наверное, со времен моего лейтенантства. Как ты?

Сейчас мотоцикл, безусловно, выразил бы обиду и пожаловался на одиночество. Шутка ли, два с половиной года заточения в темном боксе, без дорог, без ветра, без побед над уличными конкурентами — немудрено обидеться, но, предвкушая скорый выезд на волю, «СВ» предпочел тактично промолчать.

Из брошенной на пол тяжелой сумки Игорь достал канистру свежего моторного масла, новый аккумулятор, баллончики со смазками и приступил к работе. Через час, нетерпеливо вжикнув стартером, «Супер-В» запустил двигатель, а в душе Кремова затрепетало что-то, будто вернулась из прошлого и обняла с улыбкой первая любовь.

Глава 9

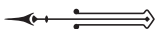
«Супер В» под глухой рокот двигателя носил хозяина по улицам Западного Мегалополиса. Это было бесцельное блуждание. Занятый невеселыми мыслями, Игорь не обращал внимания на маршрут — лишь бы ехать.

Пушистый слой дорожной пыли тонкой кисеей замутнял глянцевое отражение города в кривых поверхностях бензобака. Пузатые здания и скукоженные кроны деревьев, перемежаясь огнями вечерних витрин, скользили от приборного щитка до крышки заливной горловины, будто в старой киноплёнке с муаром.

Два месяца новой жизни дались непросто, реальность встретила очередного простого смертного с прохладцей.

Ни в Улье, ни в «Нерве» Крёмову не доводилось оставаться с ней один на один: его берегли как тонкий капризный инструмент, извлекая лишь по надобности. Даже самые страшные преступления били по восприятию Игоря точно, отчего теперь казались немного нереальными, сказочными. После нырков в их пучины Нерв переваривал «послед» в комфортном кабинете и мало-помалу

заштопывал прорехи, оставленные страхом в сердце. Игорь всегда имел достаточно времени для этого и никогда не озадачивался насущными проблемами.

Уволившись с «полного пансиона», он словно очутился в параллельном мире. Сначала закончились деньги, затем прежние друзья. С поиском работы не заладилось, боссы видели в нем очередного раба, что было неприемлемо категорически. Начали открываться простые истины: он рядовое быдло, весьма далекое от кормушки; цена ему грош и воспринимают его не так, как хочется; прошлое никого не интересует, людям интересно, чем он полезен для них здесь и сейчас...

Подкатило разочарование. Никому больше не требовались подвиги Нерва, никто слыхом не слыхивал об их ценности и элементарно не понимал, почему вообще кто-то мог получать деньги за дурацкое самобичевание. Интересно, как использовали бы скрипку Николо Амати мясники на скотобойне, попади она туда божьим промыслом? Точно не знает никто, но скрипкой на скотобойне Игорь себя чувствовал все больше.

В сознании замаячили пораженческие настроения. Сожаление по поводу ухода из отдела, тоска по сытым временам и жалость к себе, бедному, затянули партию убогой душевной мелодии.

Где же справедливость?!

Игорь ощущал детское негодование: почему судьба на его честный и совестливый Поступок — уход из прогнившего Нерва — оплатила черной неблагодарностью?

Вот оно, вот! Полезло. Рассуждения о Боге, который тебя оценит и своей безграничной силой одарит достойным будущим. Ну и деньгами, и камнями драгоценными... Противно.

Куда деваться от этой дряни, неужели он один такой?

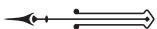
Давеча, шагая по улице, Игорь заметил бомжа, развалившегося на тротуаре. Тот спокойно, с достоинством ел грязное яблоко. Случайно пересеклись взглядами. Нерв распознал в бомже интеллектуала не самого последнего порядка — очень умные и слегка печальные глаза. Моментально в голове выстроилась картинка его, Кремова, конца: задумчиво любуясь закатом, он будет так же поедать подобранные объедки и размышлять о несовершенстве мира, погружаясь в собственный декаданс. Не будет гонки за баблом, не будет сделок с совестью и общественной несправедливости... но и взамен этой гадости ничего не будет.

Замигала лампочка «топливо», стало совсем тоскливо. Утром ХАЭН беспристрастно известил о низком уровне средств на счету. Мог и не утруждаться, за неделю постоянных напоминаний Игорь уже на атомном уровне усвоил это. Но критически низкий не значит нулевой, следовательно, «Супер-В» заправить еще можно.

На ближайшей АЗС царили запустение и тишина. Неугомонные стритраекеры наполнили баки ржавых корыт еще вечером и теперь надрывали движки кое-где по улицам и переулкам. Таксисты, откатав на буме закрывающихся баров, сейчас дремали у вокзалов и отелей. Автопарочки предавались любви в глухих тупиках.

Игорь не спеша, с наслаждением подкатил к бензоколонке, поставил мотоцикл на боковую подставку и направился в ярко освещенный зал. Заспанная девушка оператор, зевая, флегматично выбила чек и с отвращением ударила по кнопке отпуска бензина.

Пока топливо под урчание насоса заливалось в «Супер-В», у соседней колонки затормозил мотоциклист на

потрепанной двухсотке с ящиком, колхозно притороченным к сиденью резинками и крючками. На задней стенке ящика красовалась надпись «Пуля» и номер телефона. «Доставка», — догадался Игорь.

— Здорово! — приветствовал он курьера.

— Хай, — охотно отозвался тот, — классный у тебя аппарат, я тоже такой планировал купить, но потом передумал: говорят, у них «мозги» горят часто.

Сразу стало понятно, что парень из числа любителей поболтать. Пыльная экипировка и выдавший виды транспорт давно просились в утиль, так что настоящей причиной, по которой он до сих пор не менял их, была конечно же нищета, а никакие не «мозги», да и не изъяны «Супер-В» вообще.

— Всегда хотел узнать, каково это — работать курьером? — спросил Игорь, внешне соглашаясь с ним.

— Собачья работа, — театрально вздохнул собеседник, — ни прилечь, ни поесть спокойно, а платят гроши!

Ему потрафило отношение Игоря к версии с «мозгами». В таких случаях Нерв без труда ощущал благодарность собеседника, пусть даже оба знали, что это игра в поддавки.

Спонтанно родилась идея: мотоцикл есть, времени пока навалом, а вдруг?

Пашка, как представился курьер, не отказался от стаканчика кофе — и вот под неодобрительный взгляд оператора, потревоженной в очередной раз, они с Игорем уже беседуют на лавке для отдыха заправщиков.

— Работа интересная, но постоянно на ногах, — размеренно начал Пашка, — заказы разные, можно пиццу возить, а можно что-нибудь несъедобное, документы например. У кого мотоциклы мощные, те вообще на межгород ходят

и в день могут больше двух штук срубить чистыми. Девка у нас одна на литре — может, видел, мелькает частенько тут? — Игорь отрицательно помотал головой. — Так вот, — не смутился рассказчик, — она возит какие-то важные пакеты, видимо, имеет солидные бабки, на кобыле хромо́й не подъедешь!

Тут на ХАЭН Пашке позвонили, он принял через наушник, уверенно заявил, что «сломался», отключил связь и подмигнул Кремову:

— Диспетчер. Я уже сегодня и так наработался, харэ.

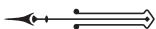
Он еще долго рассказывал Игорю всевозможные истории, быстро скатившись к своей персоне и забыв о первоначальной теме. К концу повествования утомленный Кремов знал о новом знакомце массу вещей, абсолютно ненужных и, откровенно говоря, неинтересных, но кофе бодрил и сглаживал раздражение. Теперь Игорь почти верил, что стоит попробовать с этой работой, лишь бы Лана не воспротивилась.

Она в последнее время все принимала в штыки, заводилась по каждому поводу. Кажется, переживала его увольнение особенно тяжело. Сегодня жена осталась у родителей, обидевшись на какой-то пустяк. С ними Игорь не общался вообще, поэтому Лана оказалась вне доступа, свой ХАЭН выключила.

Горько. Стоило бы поговорить с ней, обсудить все, но не складывалось. Он пообещал себе исправить это прямо завтра.

Но это завтра, а пока — сон и воронка параллельной реальности.

...На мостике тихо и темно, автомат самостоятельно корректирует полет, экипаж отдыхает в каютах. Игорь

идет по узкому коридору к аппаратному столу, чтобы развалиться в удобном штурманском кресле и полюбоваться пейзажем через панорамное остекление. Еще на подходе к морю разноцветных огоньков, сверкающих на аппаратном, он останавливается, захваченный открывшимся видом: над станцией нависает голубая, в разводах белых облаков, планета. Край гигантского шара контрастно оттеняет черную космическую бездну. Из-за бортовой гравитации на миг создается иллюзия, будто станция падает вниз, сорвавшись с Земли, по коже пробегают непрошенные мурашки.

— Лейтенант? — неожиданно раздается голос из ближайшего кресла.

Игорь не заметил в темноте командира экипажа, наверняка любовавшегося тем же видом.

— Не спится? Проходите на штурманское, оно еще час будет свободно.

Командир, однако, смотрит не на землю, а куда-то выше. Игорь следует его примеру. Прямо над их головами тройкой лиловых тюльпанов зияют сопла космического клипера. Пристыкованный к станции, тот несется по орбите даже не «на спине», а «вверх ногами».

— Наше будущее, — произносит командир. — Не многие понимают, зачем нужен космос. Десятилетиями люди выращивают кристаллы, фотографируют звезды, устраивают опыты уровня третьего класса начальной школы. А вот он, — командир взглядом указывает на клипер, — ключ к новым далеким мирам.

Солнце показывается из-под дуги земного горизонта, ярко освещая «ключ». Серебряной цирровкой вспыхивают кольца на краях сопел, загнутые концы коротких крыльев и высокий вертикальный киль — снежно-белые — размываются

на фоне океанов, облаков и континентов, на фюзеляже под большим углом угадываются красные буквы «СССР».

— Как ваши успехи в психических опытах? Слышал, вы проявляете недожинные способности, — интересуется командир.

Игорь неопределенно пожимает плечами, уклоняясь от разговора на тему. Уже сейчас очевидна ее сакральность. Тихие коридоры института и пронизательные преподаватели с вкрадчивыми голосами никак не вязались с мечтами молодого поколения о покорении космоса. Это заставляло лейтенанта скрывать принадлежность к касте Нервов. Командир далеко не юноша, но и ему открываться не хотелось. Вдруг неправильно истолкует?

— Вы зря смущаетесь, — улыбается тот, — я понимаю, что орбита и космонавтика не первое ваше призвание, но и не последнее, поверьте.

Игорь искренне благодарит его. Остаток времени они не отрываясь созерцают восхитительную панораму космоса и Земли с застывшим на ее фоне клипером...

Глава 10

Утром стало ясно, что Лана не приедет, ее ХАЭН по-прежнему не принимал входящих.

Игорь написал сообщение о предстоящей командировке, о том, что скучает. По правде, никакой командировки не планировалось, но Лана наверняка приободрится, поймет, что муж старается, ищет возможности заработать, и отгадет. Пора бы уже.

Открыв холодильник, Игорь слегка залип на баночке темно-синего цвета, затем достал кусок сыру и быстро захлопнул дверцу. Сейчас было проще справиться с собой, сил доставало. Баланс выравнился, мысли пришли в порядок, по пунктам ясно, чем заняться: поговорить с женой, попробовать новую работу. Зачем вмешивать Хижэ Клур? Он для крайних случаев.

Внутри все же беспокойно.

Глаза пробежали по новостной ленте. Все как обычно: на одном из ребисовых рудников что-то рвануло, столько-то погибших, столько-то пострадавших; в Молчановке распотрошили очередную инкассаторскую машину, инкассаторы погибли, «полиция ведет расследование»; компания

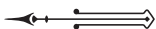

БММ выпустила новый шикарный лимузин (под новостью тысячи «компетентных» комментариев от тех, кто его никогда даже не потрогает во сне); известная порнозвезда возмущена неприличным намеком, брошенным семь лет назад в ее адрес каким-то политиком; ученые выяснили, как продлить жизнь с помощью ежедневного прикладывания к темени предметов розового цвета; волейбольный чемпионат вышел на финишную прямую, определились фавориты и аутсайдеры...

Порывистым движением Игорь вырубил ХАЭН, от чтения ленты настроение стремительно падало ниже самой низкой отметки. Он не мог объяснить себе, почему новости вызывают рвотный рефлекс.

Например, известия о движении проекта «Ариэль» одноименной компании живо занимали общество от нижних до верхних слоев. Шутка ли: яйцеголовые почти построили секс-робота, способного полностью заменить человека. В сети несложно отыскать видео, где испытатели потели с прототипами на кушетках и выглядело это очень натурально. Ариэли стонали и подмахивали почище иных актрис. Осталось отладить искусственный интеллект и встроить функцию приготовления кофе после полового акта. Перспективы поражали — сколько же несчастных одиночек обретут радость бытия! Ариэли смогут прогуливаться с хозяевами по променадам, впад отвечать на вопросы и даже шутить! Количество самоубийств снизится на порядок, разовьется целая прикладная индустрия: хочешь Ариэль с лицом и голосом своей школьной училки в ее лучшие годы — пожалуйста! Хочешь копию жены друга — не проблема! На одном и том же ариэлевском шасси с помощью сменных лиц и гибких

настроек можно организовать целую коллекцию объектов вожделения!

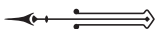
«Красота! Среди бегущих первых нет и отстающих!..» — пришли Игорю в голову строчки из какой-то древне-лохматой песни позабытого всеми певца. Но в то же время разило от «Ариэля» чем-то жутким. Может, предрассудки? Может, но представить себе электрическую Лану Нерв не мог.

Глава 11

Позавтракав, он решил съездить туда, где все начиналось. Ему просто некуда больше было идти.

Приземистое старое здание дышало монументальностью. Окруженное со всех сторон высоченными соснами, оно напоминало вековой камень, несокрушимый, неподвластный времени и невзгодам. От массивных входных дверей обратным амфитеатром спускалась лестница, соединявшаяся у основания с дорогой, мощенной бетонной плиткой. Дорога, в свою очередь, совершая пару изгибов, вела через старый парк к воротам со звездами в центре чугунных двухтонных створок. Конечно, воротами пользовались редко, в особых случаях. Открывать и закрывать их, даже с помощью современных моторов, было делом долгим и хлопотным, на это гораздо лучше годились шлагбаумы у заднего въезда, которым пользовались черные автомобили начальствующего состава.

Институт жил обычной жизнью. Как и десятки лет назад, по коридорам, переговариваясь вполголоса, спешили курсанты или важно шествовали преподаватели — высшие чины корпуса нейронной криминалистики, занятые раздумьями.

В мире это загадочное заведение именовалось НИСПом — Национальным институтом следственной психологии — и простому обывателю представляло малоинтересной государственной конторой, «которая была всегда на моей памяти, но, чем конкретно занимается, не знаю».

Институт не являлся звездой телепрограмм и радио, о нем не писали газеты и даже сетевой поисковик выдавал только повторяющиеся ссылки на скудный официальный сайт и обрывки ничего не значащих материалов, где аббревиатура «НИСП» отмечалась вскользь.

Но у здешних обитателей всех поколений за НИСПом закрепилось прозвище Улей.

Хотя институтская территория располагалась на стыке Защекинска и передовых районов Западного Мегалополиса (совсем недалеко, всего в нескольких кварталах от Линии свободы), складывалось впечатление, что Улей прятался где-то на отшибе, в сотнях километров от цивилизации, а высотки тех самых кварталов, словно горная гряда, отделяли его тихую жизнь от суматошной городской реальности.

Стены Основного учебного корпуса, «намоленные» за долгую историю, хранили память о поколениях Нервов, постигавших трудную науку психозрения. Старшие курсы и одаренные новички ощущали исходившие от них волны прошлых свершений и драм. Здесь бережно культивировалось знание, уходящее корнями в домегаполисную эпоху освоения Земли.

Игорь любил огромный институтский парк, здесь легко дышалось. Вдруг расхотелось обдумывать текущие проблемы, и память увела в прошлое.

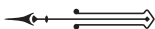
Всю сознательную жизнь Игорь провел в Улье, родителей не помнил. Из личного дела выходило, что они

погибли на ребисовых рудниках, когда сыну едва исполнилось три года, — сначала отец, потом мама. Очевидно, родители были прекрасными людьми и любили друг друга, раз мама отправилась за отцом в такое гиблое место.

Маленький Игорь после трагических событий несколько лет прожил в семье отцовского товарища. Его, крепкого усатого работягу с сильными ручищами и не сходящей с лица доброй полуулыбкой, Кремов помнил довольно хорошо. Хоть приходилось несладко, дядя Витя почему-то не уехал на юг в поисках заработка, а остался у северо-восточного кордона — первой очереди заселения беженцами из Солнечного. Местность считалась самой бесперспективной: кругом пустоши, до Линии свободы как до звезды, блага цивилизации отсутствуют, дорог по пальцам перечесть. В молодой семье дяди Вити еще не было своих детей, и они с женой приняли Игоря как родного. Несмотря на трудности, жизнь постепенно вошла в нормальное русло. Тетя водила Игоря в детский сад, наспех организованный в поселении беженцев, само оно стало называться «станичкой», появилась работа — дядя трудился в сельском хозяйстве, кажется. Инженеры нашли воду, поставили водонапорную башню, смонтировали радиоточку, а пустошь люди принялись засаживать можжевельником. Станичка так и осталась крайним населенным пунктом Большого Мегаполиса со стороны покинутого навсегда Солнечного. Севернее кроме можжевельника ничего не было.

Игорь сохранил в памяти образ деда Никифора, дядькиного тестя, потерявшего жену в Солнечном. Такой же крепкий, как и дядя, только чуть более сухой, он обожал осиротевшего «казачонка» и вечерами после работы возился с ним, несмотря на жуткую усталость. Дед мастерил

какие-то домики из спичек, учил подражать токованию голубей («сложи руки в замок, теперь чуланчик там сделай, прикрой большими пальцами... та не сильно... теперь дуй туды, как в дудку... молодец!»), пользоваться столярными принадлежностями («на, забивай гвозди в ту чурку, пока не упрешь») и брал с собой в пустоши, когда садик не работал.

Однажды к Виктору Николаичу пожаловали таинственные визитеры. Двое мужчин в черных костюмах о чем-то негромко поговорили с ним на кухне, а затем быстро ушли. Вечером того же дня дядя Витя с тетей горячо спорили. Она что-то возражала, до уха мальчика доносилось ее «не отдавай...», «ты же Максиму обещал...» и дядькин приглушенный бас.

Через месяц визитеры забрали Игоря в Улей. Приемные родители проводили до самого Зашекинска, там обняли — и больше Нерв их не видел.

Вообще станичка промелькнула быстро, казалось, что именно с Улья началась история Игоря, с Ульем связана масса ярких воспоминаний, здесь по-прежнему трудится любимый Учитель.

Как-то жарким майским днем Кремов старался не уснуть, слушая в большой полупустой аудитории лекцию по невербалке. Так предмет называли все обитатели Улья от начальствующего состава до ленивых курсантов, помечавших аббревиатурой «НКО» титульные листки конспектов. Игорь принципиально написал на обложке тетради длинное: «Невербальная коммуникация в обществе» — и на первом занятии усердно, как обычно, пытался вникнуть в суть. Но то ли позднее время (лекция читалась последней), то ли жаркая погода, сморившая слушателей, то ли

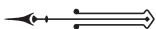

еще какая причина, но не шла в сознание мерная убаюкивающая речь профессора Казиминова. Тот расхаживал вдоль преподавательской кафедры, сухонький интеллект за шестьдесят. Уложив голову на столешницу, Кремов из последних сил разбирал его слова «о предмете и методе», как вдруг в аудитории повисла тишина. Встревоженный Игорь принял вертикальное положение, испугавшись, что остановка из-за него. Но нет, Казимиров не смотрел на сонного курсанта, он не смотрел даже в сторону амфитеатра, где на разных ярусах развалились три десятка молодых людей. Преподаватель, осекшись на полуслове, устремил взгляд в точку за окном. Впрочем, кроме Игоря встрепенулась лишь пара человек, остальные блаженно сопели, сраженные весенними лучами и недавним обедом.

— Внимание! — неожиданно громко скомандовал Казимиров, развернувшись к курсантам.

От окрика публика начала приходить в себя, зашуршали конспекты, покинувшие объятья морфея ошалело таранились по сторонам, наивно полагая, как и Кремов, что суета возникла по их вине. Но ни в чей адрес упрека не последовало, наоборот, опустив дисциплинарный момент, пожилой профессор, хмурия брови, начал говорить то, что сняло с молодого Игоря налет усталости.

— Товарищи, — начал Казимиров старомодным обращением, — у вас и у меня совсем нет времени расслабляться и позволять себе роскошь ничегонеделанья. В прошлом НКО был базовым предметом института, базовым! — повторил он для усиления. — Сейчас за то мизерное количество часов, что отводится для его освоения, даже гениальным учителям не донести до вас сути невербальной коммуникации, ее значимости для общества и государства. Мало

того, эти разнесчастные часы ставят последними в учебное время. Вы слишком молоды, чтобы понять причины такой несправедливости, но найдите силы услышать меня! — С каждым словом профессор все сильнее волновался. — Повторяю, услышьте меня, иначе останетесь пустышками! Пустышками, которые механически нюхают грязные отходы преступников, не озадачиваясь ни причинами, ни последствиями, ни перспективами развития самой преступности. Вы как роботы будете день ото дня копать в помоях, не помышляя, откуда же берутся уроды, извращенцы и почему наше общество в такой глубокой яме! Вам никто не объяснит этого: ни криминолог с новомодной кафедры виктимности групп, ни криминалист, ни квалификатор! — Некоторое время он продолжал в том же духе, напористо, с азартом.

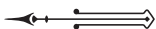
Последние слова он почти прокричал, окончив монолог ударом кулака по столу. Пожилой профессор выплеснул какую-то пока не понятную для курсантов боль, отчаянно пытаясь уцепиться за кусочек их внимания. В годы учебы такое не встречалось Игорю никогда. Чтобы старший вот так, словно от его слов зависит жизнь или смерть, не находя себе места, психологически сближался со слушателями, раскрывался?! Казимиров же, тяжело дыша, походил на загнанного бегуна, отдавшего последние силы на передачу эстафеты. Каждый из младших почувствовал, что «эстафетную палочку» он хочет передать во что бы то ни стало, даже, если потребует, в предсмертном броске. Тридцать пар глаз тревожно смотрели на преподавателя. Тот выпрямился после удара о стол и приготовился продолжить, но в звенящей тишине бесцеремонно заверещал зуммер, возвестивший об окончании занятия.

Вот это была драма. Тогда не понятая никем из курсантов, но впоследствии определившая судьбу многих из них. Судьбу Игоря точно. Речь профессора детонатором запустила процесс познания важнейшего предмета во всей вселенной. Кремов ощутил синхронизацию с Казимировым, ту самую, о которой профессор говорил на лекциях, ту самую, делающую людей единомышленниками. Теория НКО завладела разумом молодого курсанта, заставляя работать на себя. Куда бы Игорь ни шел, за чем бы ни наблюдал, всегда его оценки, выводы и поступки стремились согласоваться с принципами невербалки. Вначале это раздражало и утомляло, мозг будто заразился паразитами, вытягивающими ресурсы независимо от желания хозяина думать или расслабляться. Игорь даже сочинил отвратительное определение — «интеллектуальные глисты», чтоб осмыслить проблему. Но раздражение постепенно ушло, к нагрузкам на аналитический аппарат он привык, в душе прописалось спокойствие, а при случайном воспоминании о «глистах» губы трогала произвольная улыбка, снисходительно прощающая «прошлого Игоря» за гадкое отношение к его новому наполнению. Правда, и тогда загадочная природа «невербального» мировоззрения осталась до конца не постигнутой курсантом, он просто доверился интуиции.

Аналогичные процессы происходили с некоторыми другими ребятами с курса. Они сплотились в группу по интересам, делились открытиями, сообща искали ответы на трудные вопросы, штурмовали библиотеку, доводя своими запросами библиотекарей до истерики. Игорь помнил всех: Сашку Мороза, Пантелея Смирнова и других. Тихий маленький Смирнов по прозвищу «Пантюха» преуспел

в невербалке особенно заметно. Он как-то признался Игорю, что прямо на улице синхронизировался с мыслями какого-то старичка. Это вызвало эмоции, которые Пантюха, силясь подобрать подходящие слова (выходило сбивчиво и непоследовательно), никак не мог описать и оттого тупевался. Когда товарищ совсем отчаялся, сосредоточенно внимавший Игорь внезапно воспринял суть его послания напрямую! Как будто все пережитое Пантюхой ворвалось в сознание непосредственно, без слов. Игорь даже испугался немного и поспешно захлопнул дверцу, но тут же открыл опять. Каким-то образом до Смирнова это сразу дошло, он осекся и расплылся в глупой улыбке.

Курсанты смотрели друг на друга, сердца готовы были выскочить из груди, и лишь появление Семенштольберга заставило их вновь надеть привычные маски.

— Вы че как гомики сидите? — хохотнул Миха с удивлением.

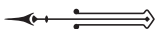
Впоследствии на открытую Пантелеем волну настроились остальные ребята их тесного коллективчика, а Игорь, как и Пантюха, приобщился к таинству синхронизации.

Один из первых случаев произошел осенью, в середине октября. Стоял пасмурный холодный день, мелкие капли то и дело срывались с неба, пугая скорым дождем. Эта затянутая прелюдия длилась с ночи. Нерешительность погоды расшатывала настроение противными качелями: светло-серым тучам явно не доставало сил на мощный ливень, но и расчищать небосклон они не собирались. Ветер азартно гонял по улицам хороводы разноцветных листьев, трепал кроны деревьев, кустарники, флаги и рекламные баннеры, съезживал зябкими прикосновениями прохожих, намекая на приближение серьезных холодов.

Игорь ехал в такси по улочке Защекинска. Таксист в ручном режиме заставлял дворники растирать надоедливую морось по стеклу. Щелк-щелк, щелк-щелк. Автоматика не попадала в ритм — то позволяла каплям слишком густо залепить стекло, то противно скрежетала щетками по сухому. Вот напасть! Двигались медленно, шофер монотонно пригормаживал-ускорялся, повинуюсь ритму пробки. Справа на тротуаре внимание Нерва привлекли два человека — парень и девушка. Они шагали немного впереди, поэтому лица разглядеть не получалось. Множество мелких деталей сразу врезалось в память: на девушке юбка из плотной клетчатой ткани, светлые колготки, невысокие сапожки. Она прятала руки в карманах черной куртки с приподнятой талией, но не ежилась от ветра, а, наоборот, уверенно подставляла развевающиеся волосы холодным воздушным потокам. Все предметы ее туалета казались практичными и не слишком изящными, такие покупаются надолго, когда средств на излишества нет. Спутник девушки, запомнившийся лишь темной одеждой, нес в руках какие-то пакеты, вероятно, покупки с близлежащего рынка. Вот автомобиль поравнялся с парой, Игорь повернул голову, чтобы увидеть лица, но хорошо рассмотреть их снова не вышло, помешали деревья. Осталось только мимолетное впечатление — умные, открытые, с чуть наивным выражением и оттого беззащитные...

В тот день память вновь и вновь возвращалась к парню и девушке. Это несколько удивляло Игоря. Даже маячившие поблизости экзамены не могли отвлечь полностью от раздумий, связанных с ними. Почему они привлекли внимание и так запомнились? Почему к ним возникла такая сильная симпатия и родилось желание помочь, защитить, хотя

они не просили об этом? Взрослые же люди, вполне уверенно идущие по каким-то делам.

Впрочем, ответ на эти вопросы лежал на поверхности, но Нерв умышленно не торопился формулировать его. Ему доставляло удовольствие новое чувство, которое не хотелось тревожить логикой рассуждений. Это как увидеть наяву добрых героев своих сновидений или узнать в толпе сказочного персонажа — они идеальные, такие, какими их представляешь, понятные, насколько это возможно, почти родные, но в то же время настоящие, осязаемые. Происходящее реально и оттого еще более фантастично, ведь не улица грязного города и будничные обстоятельства — их среда обитания, а твои мечты.

Просто неожиданно, впервые глаза нашли тех, среди которых захотелось жить, тех, с кем не страшно строить Завтра и с кем можно стоять плечом к плечу перед опасностью, будучи спокойным за свою не напрасно отданную жизнь.

Как он понял, что те двое ему близки? Прислушался к себе. В их поведении ощущалось достоинство и доброта, несмотря на скромную одежду, их лица не выражали агрессии или зависти. Игорь почувствовал и их тепло, так «пахнут» нежность и взаимоуважение любящих людей.

Кремов поморщился от удовольствия, по спине скользнули мурашки. «Вполне возможно, я себе это все придумал», — пришла тогда в голову мысль, но, странно, не вызвав настоящих сомнений или разочарования.

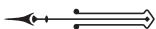
К сожалению, каким-то образом слухок о речи Казимирова дошел до ректората. Вряд ли это стало следствием злого умысла или доноса, просто судачили о произошедшем все курсы с первого до последнего, что, по

определению, не могло укрыться от внимания старших. Ректор выступил на всеобщем собрании в актовом зале и указал, что, несмотря на заслуги уважаемого профессора, негоже акцентировать внимание курсантов на своем предмете, пользуясь средствами эмоционального внушения. Затем выступающий для порядка прошелся по теме нарушений в общежитиях, огласил список отстающих и отличников и на том закрыл собрание. Только совсем недалеким обитателям Улья причина сбора показалась обычной, всему преподавательскому составу и думающей части слушателей посыл руководства обозначил очевидную вещь: группа предметов НКО утратила актуальность и перспективу для научной карьеры. Через месяц после описанных событий, в связи с ними или нет, НКО перевели в разряд зачетных предметов с сокращением аудиторных часов. Кроме того, из программы исключили современные проблемы НКО, историю НКО и еще ряд смежных дисциплин для высвобождения лекционного времени в пользу основ использования ЭВМ в психоанализе и виктимологии.

Большая доля курсантов немедленно отреагировала на падение «рейтинга» казимировского предмета тотальным «забыванием» и прогулами. Старик пробовал бороться с этим репрессивными методами, но политика руководства и возможность пробить зачет через непрофильных преподавателей свели его усилия на нет. Потерпев поражение, Евгений Митрофанович прекратил следить за посещаемостью и расписывался в зачетках, не утруждаясь борьбой с двоечниками, а затем вовсе слег в госпиталь: диагноз — нервное расстройство.

Определенно, произошедшее, несмотря на показное безразличие Казимилова, подточило его изнутри.

В госпиталь тут же подрядилась идти разношерстная группировка курсантов, чтобы поддержать преподавателя. Все они преследовали разные цели: кто-то решил отметить в палате старика, чтобы получить самозачет, кто-то зарабатывал общественные баллы показным состраданием, кто-то страховался на случай возврата НКО на прежние позиции. Кремов не входил в число ни тех, ни других, ни третьих. Игорь глубоко переживал, предчувствуя возможность «схлопывания» наставника.

Еще после собрания к Игорю подходил Миха Семенштольберг. Вечерело, гурьба молодых людей разбрелась по общежитиям. Кремов шел по дорожке, погруженный в размышления о профессоре, когда услышал позади оклик Михи:

— Дружище, погоди! — Приблизившись, тот попросился в компанию до общаги. — Что скажешь о вспышке старика?

Игорь пожал плечами, не придумав ответа.

— А я считаю, это отчаянье. Его кафедру прикроют, так в ректорате говорят.

— Ты-то откуда знаешь? — недоверчиво спросил Кремов.

— Позавчера я там дежурил на посту ДНД и слышал через приоткрытую дверь беседу проректора с Николаенко.

— Николаенко здесь причем?

— Наверное, криминалистам часы отдадут, предупреждают заранее, — солидно ответил Миха, желая сразить прозорливостью.

Игорь промолчал. Семенштольберг воспринял это как знак уважения и готовность слушать дальше.

— Думаю, это правильное решение. Жаль, конечно, Казимирыча, но что дает в жизни его невербалка? Лучше

побольше практики получить, чтоб курса с четвертого уже в «Нерве» стажироваться, верно?

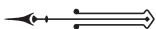
Резануло по ушам панибратское «Казимирыч». Конечно, взглядов Михи Игорь не разделял, но предпочел ответить уклончиво:

— Не знаю, Миша, стоит ли так жестко?

— Согласен, у старика много связей, может и камбэк устроить, — восприняв слова товарища на свой манер, рассудил Миша, — лучше действительно пока обождать и глянуть, чем дело обернется. Ты умный человек, Игорь!

Поборов внутреннее омерзение, Кремов заставил себя улыбнуться и поблагодарить Семенштольберга.

Припомнив тот диалог по дороге в госпиталь, Игорь вздрогнул от знакомого приступа гадливости: Миша уверенно шагал в толпе курсантов бок о бок с ним, разглагольствуя с кем-то о печальной участи «всеми уважаемого и любимого Евгения Митрофановича» и о том, какие же все они молодцы, что решили поддержать старика — «возможно, на одре». Кремов встречал и растерянные взгляды; их обладатели неуверенно озирались, силясь понять, как же можно решать насущные проблемы путем такого лицемерия. Пантюха вообще не пошел, он не перенес бы такого и наверняка б взорвался, изболочив под всеобщий хохот окружающих негодяев. Впрочем, сам Игорь не удивлялся и, уверенно заталкивая отвращение поглубже, стремился настроиться на положительный лад, ведь ослабевшему профессору требовались хорошие эмоции, а не хмурые от невеселых дум посетители. В ближайшем магазинчике курсанты приобрели вскладчину фруктов и, предвкушая эмоциональную встречу, поторопились в госпиталь.

— Здравствуйте, Евгений Митрофанович! — парадно затянул староста девятой группы. — Мы пришли справиться о вашем здоровье!

Не ожидавший визита профессор обрадовался всем несказанно: все-таки как бы ни был заслужен и уважаем человек, он в трудные минуты ценит именно простое участие. Казимиров, сдерживая слезы и улыбаясь детской беззащитной улыбкой, принимал нехитрые подарки как великую драгоценность и жал протянутые курсантами руки обеими ладонями. Таким учителя Игорь увидел в первый раз. Позабылись скверные мысли и истинные мотивы многих товарищей, сейчас каждый, наверное, был уверен, что именно ради вот этого светлого момента он сюда и пришел.

— Спасибо, мои дорогие! — с трудом выговаривал профессор. — Как там Улей поживает без меня?

Слово «Улей» раскрепостило всех своей неформальной окраской, и кое-кому захотелось пофамильярничать.

— Видите ли, профессор, — сострил Миха, удачно подражая ректору, — институт без вас обходится прекрасно. — И тут же, вернувшись в свой образ, закончил: — Но нам без вас плохо! Выздоровливайте!

Казимиров смеялся, сидя на койке. Шутка понравилась всем, даже напрягшемуся на мгновение Игорю. В его глазах Миха поднялся на новый уровень: тот либо был виртуозом лицемерия, либо искренне умел поддаваться светлым порывам.

Посмеявшись, профессор ответил:

— Раз так, то я спокоен, вы ведь для меня и есть настоящий авторитет. Я тут, валяясь, придумал, как бы нам с вами видеться чаще. Что скажете насчет научного кружка по НКО в свободное от учебы время?

Большинство подавило желание выругаться. Вот уж растрогали старика так растрогали! Напоролись на «любезность» в виде отнятого попусту времени, а если отказать, обидится, — плакал тогда самозачет, да и нынешнее посещение в итоге зряшным выходит! Повисшее секундное молчание с идиотской улыбкой нарушил староста:

— Факультативный кружок?

— Конечно, — ответил Казимиров, — никого не принождаю и понимаю, что у каждого множество своих дел, а кто-то уже занят на других кафедрах. Без обид, но приглашаю всех!

Самой естественной реакцией на эти слова стал бы всеобщий выдох облегчения, но курсантам хватило такта подавить его.

В дальнейшем разговоры касались самочувствия профессора, и представление покатилося к логическому финалу: курсанты начали прощаться и гурьбой пятиться к выходу. Потянулся за всеми и Игорь, но голос учителя остановил его:

— Чижик, подожди!

Чижиками Казимиров называл многих курсантов, поэтому такому обращению никто не удивился. Пара человек обернулись, но, удостоверившись, что окликнули не их, поспешили вслед за уходящими. Преподаватель и ученик остались одни.

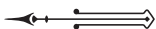
— Ты молчал все время, Чижик.

Игорь смущенно пожал плечами.

— Я увидел вас, понял, что обошлось. Не знаю, что нужно говорить в таких случаях.

— Да, видеть ты умеешь. Но и я не лыком шит. О схлопывании переживаешь?

Игорь, с трудом сглотнув, обозначил кивок. Казимиров с неизменной полуулыбкой следил за ним.

— А много ли ты помнишь схлопываний в последнее время, Чижик?

— Нет, Евгений Митрофанович, только из методичек знаю, что это. Но этим вы меня не успокоите. Кому схлопываться? Мы грызем теорию психозрения, а там Нервы с галактическими параметрами, только им схлопывание и грозит, не спорю. Но вокруг что-то таких не видно, плюс химия помогает прекрасно. Перетрудился, употребил банку Хи-жэ Клуря — и сняло как рукой. Какое схлопывание? Максимум алкоголизм. Другое дело — вы или Александр Петрович, например. Так что аргумент о конкретных примерах не принимается.

Казимиров не сдержал полноценной улыбки.

— Как тебе инициатива с кружком?

— Евгений Митрофанович, — смущенно начал Игорь, — я не уверен...

— Не продолжай, — перебил Казимиров, — мне уже седьмой десяток, не маленький. Фальшивые улыбки твоих друзей для меня как пустая обыденность, привык за столько лет. Ты-то придешь?

— Ну конечно!

— Вот и ладно. Хоть с тобой обсудим, как доктора с кандидатами развелись в НКО. А теперь иди, догоняй ребят, нехорошо от коллектива отбиваться...

Прогулявшись по парку Улья, Игорь решил не ехать сегодня на собеседование к курьерам. Он вернулся в гараж, припарковал мотоцикл и попытался снова связаться с женой. Ее ХАЭН по-прежнему молчал. Охватило легкое

беспокойство, не случилось ли чего? Нет. При всей взаимной непереносимости, тесть уже сообщил бы ему, будь повод. ХАЭН показывал 16:35. День снова истрачен вхолостую. Вспомнилась банка Хижэ Клура, поджидавшая в холодильнике, предательски дрогнули ноги. Собрав волю в кулак, Игорь решил не возвращаться домой сразу, а набродиться до одури, чтоб усталость валила с ног. Так будет проще: отпереть дверь, не мешкая, не отвлекаясь на душ и ужин, просто упасть в постель и уснуть, пока внутри не успел раскрутиться маховик искушения.

План удался. Когда Игорь вошел в свою квартиру, его почти тошнило от любых перспектив, кроме сна. Путь до спальни казался непреодолимым, Кремов свалился на кушетку у себя в кабинете, даже не раздевшись.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1.....	10
Глава 2.....	17
Глава 3.....	25
Глава 4.....	27
Глава 5.....	32
Глава 6.....	38
Глава 7.....	40
Глава 8.....	46
Глава 9.....	47
Глава 10.....	54
Глава 11.....	57
Глава 12.....	74
Глава 13.....	80
Глава 14.....	84
Глава 15.....	91
Глава 16.....	98
Глава 17.....	103
Глава 18.....	105
Глава 19.....	111
Глава 20.....	118
Глава 21.....	121
Глава 22.....	125
Глава 23.....	136
Глава 24.....	143
Глава 25.....	149
Глава 26.....	152
Глава 27.....	154
Глава 28.....	163
Глава 29.....	170

Глава 30	179
Глава 31	183
Глава 32	189
Глава 33	191
Глава 34	195
Глава 35	199
Глава 36	207
Глава 37	210
Глава 38	215
Глава 39	221
Глава 40	224
Глава 41	227
Глава 42	237
Глава 43	240
Глава 44	247
Глава 45	252
Глава 46	256
Глава 47	258
Глава 48	262
Глава 49	266
Глава 50	274
Глава 51	280
Глава 52	284
Глава 53	291
Глава 54	295
Глава 55	310
Глава 56	314
Глава 57	319
Глава 58	322

Глава 59	326
Глава 60	329
Глава 61	332
Глава 62	336
Глава 63	338
Глава 64	341
Глава 65	344
Глава 66	347
Глава 67	351
Глава 68	354
Глава 69	357
Глава 70	360
Глава 71	366
Глава 72	371
Глава 73	374
Глава 74	376
Глава 75	381
Глава 76	383
Глава 77	388
Глава 78	391
Глава 79	397
Глава 80	399
Глава 81	405
Глава 82	411
Глава 83	417
Глава 84	423
Глава 85	425
Глава 86	430
Глава 87	437
Глава 88	440
Глава 89	443

Глава 90.....	450
Глава 91.....	454
Глава 92.....	460
Глава 93.....	466
Глава 94.....	469
Глава 95.....	472
Глава 96.....	474
Глава 97.....	479
Глава 98.....	481
Глава 99.....	484
Глава 100.....	490
Глава 101.....	496
Глава 102.....	501
Глава 103.....	504
Глава 104.....	507
Глава 105.....	515
Глава 106.....	517
Глава 107.....	520
Глава 108.....	526
Глава 109.....	530
Глава 110.....	534
Глава 111.....	543
Глава 112.....	546
Глава 113.....	552
Глава 114.....	557
Глава 115.....	563
Глава 116.....	569
Глава 117.....	579
Глава 118.....	588
Глава 119.....	591
Глава 120.....	593

Глава 121.....	597
Глава 122.....	599
Глава 123.....	603
Глава 124.....	607
Глава 125.....	614
Глава 126.....	619
Глава 127.....	627
Глава 128.....	632
Глава 129.....	638
Глава 130.....	652
Глава 131.....	658
Глава 132.....	663
Глава 133.....	666
Глава 134.....	669
Глава 135.....	676
Глава 136.....	685
Глава 137.....	687
Глава 138.....	692
Глава 139.....	697
Глава 140.....	701
Глава 141.....	705
Глава 142.....	709
Глава 143.....	711
Глава 144.....	718
Глава 145.....	722
Глава 146.....	725
Глава 147.....	728
Глава 148.....	737
Глава 149.....	744
Глава 150.....	747
Глава 151.....	755

Глава 152.....	759
Глава 153.....	769
Глава 154.....	771
Глава 155.....	783
Глава 156.....	789
Глава 157.....	792
Глава 158.....	795
Глава 159.....	798
Глава 160.....	802
Глава 161.....	806
Глава 162.....	809
Глава 163.....	815
Глава 164.....	818
Глава 165.....	823
Глава 166.....	827
Глава 167.....	832
Глава 168.....	843
Глава 169.....	847
Глава 170.....	852

Иван Беденко

КОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Ответственный редактор И. Эльтеррус

Редактор Е. Калениченко

Корректор И. Лебелева

Компьютерная верстка С. Новиков

Подписано в печать 25.06.2019

Формат 84 × 108/32. Усл. печ. л. 45,36

Бумага писчая. Гарнитура «GaramondNarrow»

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №

ИД «Флюид ФриФлай»

109382, Москва, ул. Краснодарская, д. 20, кор. 2

тел. +7 (985) 8000 366

fluidfreefly.ru

e-mail: info@fluidfreefly.ru

fiction@fluidfreefly.ru

Интернет-магазин: gorodets.ru

Иван Беденко родился в 1983 году на Кубани в солнечной приморской станице Должанской. Окончил юридический факультет Кубанского государственного Аграрного университета. Семьянин, филантроп, убежденный антиглобалист, патриот.

Игорь Кремов проживает сразу две жизни — одну в реальности, похожей на нашу, вторую в реальности, подготовленной предками, но отнятой у его поколения. Действие разворачивается в Мегполисе, в разрушенном городе Солнечном и в живом коммунистическом Солнечном. Игорь принадлежит к касте Нервов, следователей-экстрасенсов, но постепенно становится ясно, что такими «сверхлюдьми» задуманы все мы, только жажда наживы, старательно культивируемая в современном мире, лишает людей способности чувствовать друг друга, а орган, отвечающий за невербальную коммуникацию, жестоко глушится эгоизмом, похотью и трусостью.

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-906827-19-7

9 785906 827197